Упал. Очнулся. Папа!

Автор:
Янина Логвин

Упал. Очнулся. Папа!

Янина Логвин

Андрей Воронов завидный жених. Молодой, перспективный и богатый. Как никак без пяти минут глава строительной корпорации «Сезам» с лицом Херувима и характером… гоблина! Терпеть своего шефа не могу! Но когда встает вопрос о его спасении, на что только не пойдешь из чувства долга и преданности компании. Даже назовешься его женой. А то, что он память потерял – так это только к лучшему. Не берите на работу рыжую секретаршу и не будите в ней демонессу, если не хотите, чтобы она вам все припомнила!

Семейная комедия. Юмор. Пакости и любовь!

Янина Логвин

Упал. Очнулся. Папа!

Глава 1

Женщина, сминающая ворс ковра высокими каблуками, была великолепна и знала это.

Высокая и стройная брюнетка с черным взглядом пантеры, она медленно обходила кабинет главы строительной корпорации «Сезам» и улыбалась

молодому мужчине губами, созданными Всевышним не иначе, как для плотской любви. Для той самой любви, которая, когда ее ищут, охотно продается, но вот стоит дорого – не каждый мужчина способен купить.

Голубоглазому и темноволосому Андрею Воронову, главному наследнику всех активов корпорации «Сезам» и фамильного счета в швейцарском банке, этот ценник определенно был по карману. Вот почему Нелли-людоедочка остановилась возле высокого кресла, напротив стола начальника и, взмахнув тяжелыми ресницами, выгнула крутое бедро. Приподняла с томным взглядом роскошную грудь и выдохнула, проводя ладонью по ткани узкой юбки:

– Ах, Андрей, ты же знаешь, как я этого хочу! Поверь, не меньше тебя!

Я прямо-таки расслышала в наряженной тишине, как в этот самый момент трепыхнулось и часто застучало сердечко у Воронова. Тук-тук-тук. Смуглая рука поднялась к вороту дорогой рубашки, ослабляя галстук, а дыхание замерло…

Ой-ей, еще секунда такого эро-напора и ведь, глупец, не устоит! Свяжется с этой акулой, как она того жаждет, и тогда поминай наследника, как звали! Пропадет, а через месяц никто о нем и не вспомнит!

Ох, черт, что делается-то! Кому кричать, чтобы включили сирену?

Вообще-то, хоть я и находилась сейчас в одном кабинете с парочкой (правда, стоя под столом на четвереньках), еще две недели назад мне на эту сцену было бы глубоко наплевать. Как наплевать на шуры-муры своего начальника человеку, которому куда важнее не потерять работу и сохранить приличный оклад – по меркам секретаря, конечно же. Да любитесь вы себе на здоровье, только премию платите! Но три дня назад все круто изменилось. Когда я случайно собственными ушами подслушала разговор этой Людоедочки со своим любовником – между прочим, двоюродным братом моего гоблина… Тьфу! То есть, шефа, конечно же. И узнала о том, что Воронова-младшего замышляют… укокошить!

Да не когда-нибудь в обозримом будущем, а в самые что ни на есть ближайшие дни!

Ужас! Я как новость узнала, так сразу сон и потеряла, а ему хоть бы хны!

Нет, ну до чего же твердолобый и упрямый тип, даром что красивый и важный! Терпеть его не могу! И что наши офисные девчонки в нем нашли? Ведь кроме привлекательной внешности… Ну, хорошо – кроме очень привлекательной внешности, в нем столько высокомерия и хруста, что так и хочется чем-нибудь увесистым по макушке пригол?бить! Чтобы стал поближе к земле и помягче к людям!

Как приехал из своей Германии, так сразу и раскомандовался, строя всех по струнке. Повадился менять костюмы каждый день, словно тут не контора, пусть и богатая, а подиум какой-то! Я за три месяца уже им счет потеряла! Ноги сбила бегать в химчистку и обратно с его рубашками.

Только нам, послушным подчиненным, что с его красоты-то, когда он бесчувственный, как сухарь. Ни разу его улыбающимся не видела. Всё только: «Гыр-гыр, выполняйте! И желательно срочно! Через пять минут документы на стол!»

Ох, остаётся лишь вздыхать и с грустью вспоминать бывшего хозяина, Матвея Ивановича. Вот с кем было за счастье работать!

Старший Воронов недаром считался уважаемым человеком. Он и выслушать умел, и подчиненных мог добрым словом уважить. Даже ругался тактично, при своей-то должности, любой подтвердит! Пока однажды не оказался в коме в одной из клиник Швейцарии.

Вот он бы мне сразу поверил, вздумай я ему рассказать о готовящемся покушении на его любимого внука. А этот гоблин, когда рассказала, только хмыкнул нервно в лицо, потом рассердился, а потом захлопнул в кабинете дверь, обозвал Петуховой и приказал держать рот на замке.

Иначе он меня возьмет прямо за шиворот и вышвырнет пинком из компании. Чтобы я, видите ли, чушь не несла и ерундой не занималась, если уж больше заняться нечем. Еще и навис сверху, сверкая морозными глазищами:

«…Я внятно всё объяснил?

Да уж куда внятнее. Но щеки все равно порозовели от оскорбления.

– Это мне-то нечем?! Ну, знаете ли, Андрей Игоревич! Я не виновата, что вы себя ведете, как… как последний олух!

– Еще хоть одно слово, Петухова, и я распрощаюсь с вами раз и навсегда, так и знайте!

– Я вам не Петухова, а Петушок! И вы не можете меня уволить без разрешения Матвея Ивановича. У меня так в контракте написано!

– Контракт и переписать можно!

– Только попробуйте! Вы здесь еще не директор, а исполняющий обязанности!

– Тогда я вас не уволю, а сошлю!

– Куда это, интересно? Мне нельзя уезжать!

– Да хоть к черту на рога, лишь бы глаза не мозолили! Марш отсюда в приемную, и чтобы через две минуты мне кофе сделала – крепкий! И только попробуй туда сцедить свой яд! У, Кобра! Разжалую в техперсонал! Уж это мне по силам!

– Чт-то? Что вы себе п-позволяете?

– Еще пока ничего!

– От… от питона слышу!

– Вон, я сказал!»

Ага, вот так прямо и вышвырнул – гад голубоглазый!

И зачем мне только надо это – переживать за него? Да чихать я хотела! Вот так бы влезла на самую высокую стремянку в офисе и ка-ак чихнула бы с чувством и пеной возмущения, как верблюд слюной. Чтобы умылся Воронов своей самоуверенностью с ног до головы! Верите, ни капельки бы не пожалела!..

Не пожалела бы… если б не признательность и человеческая симпатия к его деду. Вот кому я была обязана всем! Ну не могла я после доброты этого человека взять и отвернуться от его внука, пусть даже и грубияна. Тем более, когда жизнь последнего повисла на волоске…

Эх, Матвей Иванович, душа человек! Три года знакомства, а сколько положительных воспоминаний и благодарности! Вот окажись я сейчас с ним рядом, непременно бы спросила босса: как же так-то, дорогой вы наш? На кого родной коллектив бросить собрался?

Ведь в моей жизни всё только налаживаться стало, когда он взял к себе на работу бестолковую стажерку… И на тебе, вдруг инсульт и кома.

А помнится, когда я впервые появилась в главном офисе «Сезама» – никому не известная особа, слухов вокруг о нас поползло – ух, не сосчитать! Женщин в высотном здании корпорации работало с избытком (плановый отдел, бухгалтерия, проектировщики, инженеры), а тут новый секретарь у директора – о ком же еще судачить? Да не у абы какого директора, а у богатого вдовца!

Подумаешь, семьдесят четыре года – так самое же время начать третью молодость! Даром, что ли, секретарь у него рыжая, а значит, бесстыжая и наглая! Такая далеко пойдет!

А я что? Я молчала – Матвей Иванович попросил. «Не стоит бередить осиный рой, Дарья, поверь старику. Посудачат и успокоятся. Ты, главное, узнавай и учись тут, что да как. Девушка ты смышленая, справишься. Незачем обращать внимание на подобные глупости!»

И я была с ним согласна. Незачем. Тем более, что работы у меня оказалось с Эверест!

Но даже если бы босс и не попросил, я и сама никому не собиралась рассказывать, как мы с Матвеем Ивановичем познакомились – не люблю болтать лишнего. Как однажды этому богатому вдовцу – довольно щупленькому мужичку на вид, уж если честно, на утренней пробежке в парке стало плохо, и он бочком, бочком… да и свалился тушкой в ближайшие кусты. Пролежал там больше часа в октябрьской сырости, и кто его знает, когда бы очухался, если бы в то утро мимо старого парка не пробегала я с детьми, сокращая дорогу в детский сад.

Конечно же, опаздывая и совмещая спорт с прогулкой, а вы как думали!

– Ма-ам, смотри, а там мужик валяется!

– Стёпка, что за разговор? Надо говорить «мужчина». Где?

– Вон, смотри! А что он там делает? И почему он босиком?

Что он там делает, судя по пустой бутылке из-под дешевого алкоголя, лежащей в стороне – в нескольких метрах возле урны, – догадаться было не трудно. Но вот лежал он как-то уж слишком неуютно – носом в кустах, с поднятыми вверх ногами, без обуви и без носков, в одних трусах. И в таком положении находился уже довольно долго, судя по тому, что вокруг было пустынно, а незнакомца уже успели раздеть и разуть – надо полагать, приятели по выпивке.

Я остановилась и обернулась. Подошла ближе. Стал накрапывать мелкий осенний дождик – из тех, что пробирают насквозь, но человек не собирался подавать признаков жизни и на мое приближение не отреагировал.

– Эй, мужчина?.. Эй, вы меня слышите?!

– Мам, а он бандит, да? – не унимался Стёпка. Он в то время обожал всякого рода разбойников. – А можно я в него тоже палочкой потыкаю, как ты?

– Нет!

– Мам, ну так нечестно! Я тоже хочу!

– А я хасю песенье! – шмыгнула носом маленькая Сонечка, прижимая к себе зонтик. – Ма-ам!

– Дети, да подождите вы! Не видите, тут дяде плохо. И вообще, Стёп, лучше подержи-ка Сонечку и отойди, я сама попробую его разбудить. И не мешайтесь под ногами! Как бы нам сейчас скорую помощь вызывать не пришлось!

Про скорую помощь Стёпке понравилось, и он тут же крутанулся на пятках – чуть шапка с рыжей макушки не слетела.

– Ух ты! Правда, мам? С мигалками?!

Мимо пробежал усатый спортсмен, важного вида, и сообщил:

– Девушка, да бросьте вы этого алкаша! Видите, какая у него рожа синяя! Тут таких доходяг каждый день по кустам, как грибов натыкано!

Ну, не знаю. Насчет последнего я не была уверена. Все-таки парк общественный, и когда-никогда, а охрана должна обходить территорию. Но возразить не успела. Потому что вездесущий Стёпка, пока я отвлеклась на спортсмена, все-таки схватил кусок длинной коряги, прыгнул вперед и ткнул им бедолагу в зад. Да так ощутимо, что я ахнула, а тип в кустах охнул, пришел в себя и взмолился – тихонько и жалостливо:

– Помогите!

– С-сейчас! Кыш, Стёпка! Какая же ты егоза у меня!.. Эй, мужчина! Давайте, что ли, руку. Попробую вас вытащить!

Вытащить незнакомца получилось не сразу, но я все же сумела пробраться в кусты и поставить его на ноги. Оттянула за локоть подальше.

– Девушка, а почему я раздет? – удивился тот, когда устал кряхтеть и удивленно обсмотрел себя. Поднял на меня взгляд.

– Так пить надо меньше, дядя! – не сумела я сдержать укор в голосе, стряхивая с волос упавшие листья. – В вашем-то возрасте!

Мужичок оказался лет семидесяти на вид– мокрый и мятый. А посиневшей и поцарапанной физиономией ну точно на моего соседа-алкаша дядю Славу похож. Вот только алкоголем от него не пахло, и что-то было в светлых глазах такое… наивное, что ли. Трезвое и изумленное. Словно его жизнь только что несправедливо обидела.

Подержавшись рукой за сердце, он рассеянно провел ладонью по лбу и хлопнул себя по пустым карманам. Точнее, по тому месту на трусах, где они должны были быть.

– Холодно. И телефона нет. Ничего нет, – вдруг посетовал, – даже ключей!

Я только плечами пожала и вздохнула – а я-то тут причем? Но взглянув на босые ноги «алкаша», стоящие в тонкой луже, и бледные, тощие колени, полезла в сумку. Отыскав в ней газету с объявлениями о продаже квартир, расстелила ее на скамейке и усадила мужичка сверху – все же лучше, чем на асфальте топтаться. Достав из кармана телефон, предложила:

– Ладно, я могу позвонить, говорите кому. Только быстро, а то мы в садик опаздываем!

Незнакомец согласился и кивнул. Попросил слабым голосом:

– Давай Руслану!.. Нет! Лучше Сереже, моему водителю – он уже должен быть в гараже. Хотя… – неожиданно нахмурившись, махнул рукой, – ничего не выйдет.

– Почему?

– Номер телефона не помню. Ни его, ни своего заместителя. Что ты удивляешься, д-д-девочка? – отстучал ворчливо зубами в ответ на мой косой взгляд. – В моей жизни и поважнее информации х-хватает, уж поверь! Чтобы такой ерундой голову з-забивать!

Ага, ну да. Так я и поверила! Но выражение на лице постаралась сохранить серьезное.

Не знаю, что мужичок тут распивал с друзьями, но явно что-то галлюциногенное. Или, может, с ним это от холода легкий бред случился?

Усевшись бочком на скамейку, я распахнула на коленях сумку и нашла на дне кошелек. Открыв его, достала купюру и сунула незнакомцу в руку.

– Вот, держите. Больше не могу, правда. Я квартиру снимаю, каждая копейка на счету. А вам этих денег хватит и на автобус, и на булочку с кофе – на остановке есть киоск. А мне спешить надо… Дети ждут, понимаете?

– Понимаю.

Но денег мужчина не взял и руку от себя отпихнул. Вздохнув, оглянулся… и поднялся со скамейки, снова встав босыми пятками в лужу. Побрел от нас по аллейке к выходу из парка, даже не заметив, что к его трусам прилипла газета.

Сонечка удивленно распахнула ротик, а Стёпка прыснул смехом. Пришлось сыну дать по шапке легкий подзатыльник и, мысленно простонав, взять детей за руки и припустить за мужичком следом.

Нет, ну почему я?! Как с детства повелось, так и продолжается! Кто кошку с дерева снимет? Дашка! Кто пол города обежит в поисках соседского пса? Опять же я! Ну почему именно мне, а не усатому спортсмену, нужно было остановиться и потыкать в мужичка палочкой? Что мне, больше всех надо, что ли?

А теперь и в садик опоздали, и на работе придется брать выходной, а я и так в агентстве недвижимости без прописки держусь на честном слове! Но мужчину оставить не смогла – вдруг чувство незнакомое подсказало, что и не алкаш он вовсе. Просто немолодой человек, с которым сегодня случилось что-то экстраординарное. И если я сейчас ему не помогу, то может и вовсе бесповоротное случиться!

В общем, когда мы все вчетвером вышли из парка, на Матвее Ивановиче, кроме трусов и футболки, сидели мои розовые носки и куртка, а макушку прикрывал Сонечкин зонтик. Он подвел нас к дорогой машине и сказал, что это его, вот только ехать он не может – ключей-то нет, и я снова сделала вид, что поверила. Достала телефон и, махнув на все рукой, вызвала такси – первый раз, что ли…

Вот так мы и познакомились…

И сейчас, три года спустя, когда я уже была обязана Воронову-старшему всем, что имела, я просто не могла отвернуться от его внука. Тем более, когда он сам находился в критическом состоянии в борьбе между жизнью и смертью, и со слов Людоедочки «В скором времени собирался отбросить коньки».

Нет, что бы там мой самоуверенный шеф обо мне ни думал, а я собиралась его спасти!

Но того, что он меня под стол засунул – не прощу!

Глава 2

О Валерии Куприянове, старшем внуке Матвея Ивановича, ходили слухи, что он игрок, транжира и человек, с которым лучше не иметь серьезных дел. Потому как доверия он не вызывал ни своими поступками, ни желанием трудиться на благо родной корпорации, ни тонкой улыбочкой холеного прожигателя жизни, не сходящей с его лица.

Мерзкой улыбочкой, надо сказать.

За то время, что я работала в «Сезаме», он появлялся здесь дважды, и оба раза надолго не задерживался. Месяца два околачивался в офисе, занимая смежный с дедом кабинет с важной надписью «Исполнительный директор», ездил по строительным объектам, присутствовал на совещаниях, но откровенно там скучал и мало вникал в процесс управления проектами или в стратегическое планирование компании. А после случался серьезный разговор с дедом (за закрытыми дверьми кабинета генерального), и Куприянов исчезал.

Лично я считала его низким типом без стыда и совести. Конечно, так я стала считать не сразу, а после того, как услышала о сорванном контракте, едва не подорвавшем имидж «Сезама», и страшной сумме растраченных им денег. И не столкнулась нос к носу с его подлой личностью, когда однажды он закрыл меня в приемной и попытался залезть под юбку. И, конечно, не постеснялся вылить на голову ушат мерзостей о моей мнимой связи с его дедом.

Тогда я не выдержала и заехала ему графином в лоб. Думала, убила, а он ничего, покачался на худых ногах, но очухался. Однако предупреждения не понял, и через год пришлось прием с графином повторить.

Когда Куприянов появился в «Сезаме» в третий раз, то уже поумнел и держался от меня подальше.

Это случилось через несколько дней после того, как Матвея Ивановича срочным рейсом доставили в одну из клиник Швейцарии и кресло генерального опустело. Он заявился в главный офис компании с важным видом и сообщил, что теперь всё управление корпорацией переходит к нему. А кому не нравится, тот прямо сейчас может быть свободен – он, видите ли, никого не держит.

Сказал так, и посмотрел на меня с мерзким прищуром.

Конечно, я расстроилась. Ну, а как не расстроиться, когда с дорогим шефом беда, на шее дети и ипотека, а завтрашний день вновь страшит неопределенностью? В моем контракте действительно существовал пункт, в котором было сказано, что я нахожусь под личным патронатом генерального директора, и уволить меня можно только с его непосредственного согласия. Но, услышав новость, я уже мысленно прощалась с рабочим местом и собирала вещи – ясно же, что Куприянов меня в секретарях держать не станет. Потому что на этот раз я об него точно графин разобью.

Я уже готовилась к худшему, когда неожиданно случился большой сюрприз.

Юристы Воронова созвали экстренное собрание директоров и на нем сообщили, что старик завещал все свои активы и корпорацию вовсе не старшему, а младшему внуку. И что только Андрей Игоревич Воронов, и никто другой, по личному распоряжению хозяина может занять его место.

Даже место «Временно исполняющего обязанности».

Сказать, что все удивились – значит, ничего не сказать. О младшем внуке Матвея Ивановича известно было немного. Вроде бы не женат, довольно молод, шесть последних лет живет за границей и там же ведет свой бизнес. Говорили, что он умница и многого добился сам. Что человек он с деловой хваткой, жесткими принципами, и характером пошел весь в деда. Что своей жизнью и временем предпочитает распоряжаться сам, а потому они с Матвеем Ивановичем не очень-то ладили.

Но ладили дед с внуком или нет – это в разрезе вставшей проблемы было не так уж важно. Главное, что все вышеперечисленные слухи внушали коллективу надежду на то, что «Сезам» не обанкротится, и что мы все останемся с работой.

Обо всём этом говорили очень жарко, обсуждали приезд Андрея Воронова с утра до вечера целую неделю. А на деле же оказалось…

А на деле всё так и оказалось. Разве что к списку достоинств «героя» прилагались некоторые нюансы.

Андрей Воронов был высок, плечист и весьма хорош собой, чем поверг в восторг весь женский коллектив в здании компании. Особенно незамужних дам. Не стану спорить насчет унаследованных им от деда деловых качеств – этого у него, и правда, имелось с избытком, но он так же оказался жёсток, педантичен, скрупулезен, нетерпелив и сух.

И в отличие от своего деда, не спешил сходиться с людьми, предпочитая сохранять дистанцию и вести разговор по-деловому холодным тоном. Создавая впечатление, что экономит на общении каждую минуту и заставляя посетителей потеть.

Когда он разговаривал с подчиненными, я так и слышала в его голосе треск колотого льда. Что же касается меня, то со мной он и вовсе держался высокомерно. Мало того, что, гад, лишил премии (на самом деле, не только меня, но и еще половину офиса, объяснив это необходимостью пересмотреть финансы по каждому отделу и провести сверку), так еще и косился в мою сторону с таким спесивым пренебрежением, будто я тут перед ним в мятом неглиже расхаживаю или с прихлопнутой мухой на лбу.

Как только Воронов занял кабинет генерального, он принялся мотаться по объектам и просиживал на работе с восьми утра до девяти вечера, и меня держал рядом. Я молчала, скрипела зубами, но, понимая, как это сейчас важно для «Сезама» и прежде всего для Матвея Ивановича – терпела.

Как женщину меня новый шеф совершенно не замечал, так что графин стоял на столе нетронутым, а вот как секретаря – очень даже, и с самого первого дня принялся нещадно эксплуатировать.

Уж не знаю, какие именно слухи обо мне до него дошли, но подозреваю, что самые нелестные. Потому что, как бы я ни старалась вести себя с ним корректно и исполнительно… а цапаться мы стали с самого начала!

Что же касается Куприянова, то хоть ему и не понравилось завещание деда, но ко всеобщему сожалению из компании он не пропал. И даже из кабинета исполнительного директора не выехал. Напротив, через две недели после того, как во главе «Сезама» встал Воронов-младший, в главном офисе появилась и красавица Нелечка – специалист по аналитике рынка. Личный помощник Валерия Александровича.

Ха! Не знаю, как другим, а вот мне в чём именно она «супер-специалист» – стало ясно сразу же, как только я увидела в высоком разрезе ее юбки кружево шелковых чулок, которое она не стеснялась выставлять при виде Воронова, а в глазах – азарт охотницы за богатыми мужчинами.

А после и доказательство нашлось об их сговоре с Куприяновым, когда я застукала парочку в подсобке и услышала о замышляемом ими преступлении!

Вообще-то, сидеть под столом и подслушивать чужие разговоры не входит в прямые обязанности секретаря, и раньше за мной не водилось подобной привычки. Так что, когда это случилось первый раз, я и подумать не могла, что стану свидетелем тайного разговора.

Я как раз находилась по поручению шефа в специальном помещении, где все младшие директора (а их в штате у «Сезама» насчитывалось аж восемь штук, вместе с региональными), архивировали важные документы, и куда доступ был только у первых лиц компании и их секретарей. И зарывшись в бумаги у дальнего шкафа, пыталась отыскать договор по одному завершенному строительству, срочно понадобившийся Воронову… Когда внезапно услышала, как в помещение кто-то стремительно вошел и захлопнул дверь.

Честное слово, я бы не отвлеклась и продолжила себе и дальше перебирать бумаги в нижнем ящике дальнего шкафа, если бы вдруг не услышала за спиной томные вздохи и… ну, звуки. Необычные, учитывая то место, где я находилась. И совершенно уж неприличные!

Такие, знаете, когда кто-то кого-то страстно обнимает и чего-то хочет.

Я замерла от неловкости, боясь дышать. Ничего подобного в стенах компании мне еще слышать не доводилось, и я растерялась. Звуки раздавались все громче, послышались стоны и чмоки, и в голову не пришло мысли лучше, как юркнуть под стол и там затаиться.

Очень вовремя, потому что как только я успела спрятаться, на пол в метре от меня тут же упала юбка, показались четыре ноги, и как давай «ох» и «ах»! «Какой ты страстный, мой Котище! Да, хочу тебя! О-о-о!» Шлёп, шлёп, шлёп…

О, господи!

Я распахнула глаза, глядя в пол. Не веря, что всё происходит на самом деле.

У меня сто лет мужчины не было, а тут такое! К такому горячему адюльтеру я точно не была готова, щеки вспыхнули, дыхание участилось, и только я собралась придумать, как стоически выдержать это интимное безобразие… как у них уже всё закончилось.

Что?!

Серьезно? И это вот… всё?!

Перед мысленным взором мелькнуло разочарование и скривило унылую рожицу.

Нет, я, конечно, с секундомером не стояла и совсем не специалист по служебным романам и спонтанному сексу… Но, елки-палки, у кроликов же и тех дольше!

Не удержавшись, я прикрыла рот ладонью и хмыкнула, услышав стоны удовлетворения. Искусственные стоны, надо признать. Партнерша явно переигрывала.

Артисты, да и только! Если уж люди решаются на близость ради такого сомнительного удовольствия – то, честное слово, мне их жаль! Это значит, что нет в их жизни ничего стоящего. И уж тем более любви! Потому что… ну, это даже на секс не похоже. Нет, правда. Разве можно на «такое» променять

любимых и семью?

Но, видимо, Нелечку, в отличие от меня, в подобном раскладе ничего не смущало.

Знакомая юбка взлетела с пола и скользнула на длинные ноги в чулках. Послышался звук застегивающейся молнии, щелчок ремня, и я приободрилась, сообразив, что парочка собирается скрыться. А значит, мне не придется долго сидеть под столом.

Но я ошиблась. Шорохи стихли, оба затаились, а потом на смену интимным вздохам пришел негромкий деловой разговор:

– Зая, ты долго тянешь. Мы больше не можем ждать. Если старик оклемается и вернется – я навсегда упущу шанс заполучить «Сезам», ты это понимаешь? Только одно сможет добить его наверняка. Гибель Воронова.

– Я знаю, дорогой, но ты требуешь от меня слишком быстрый результат. Мне нужно время!

– Дорогая, обычно ты заводишь мужиков с пол-оборота. Так что происходит сейчас? Ты уже должна была его затащить куда-нибудь и обработать! Он должен был валяться у твоих ног! Ты уверена, что хорошо стараешься?

– Поверь, Котик, я стараюсь, но он, как каменный! Бумаги, договора, объекты. Только и слышно от него, что о работе! А вдруг он вообще не по женщинам? Ты об этом подумал?

Что?! Воронов гей? Мой рот открылся и застыл в форме заглавной буквы «О». Ничёси! А так сразу и не скажешь!

– Нелька, не будь дурой! Я сам его в юности заставал с девчонками на дедовой даче. Кувыркался будь здоров! Он еще как по бабам! У него сейчас вроде бы подруга имеется, с солидными капиталами. Наш Андрюша лишь бы на кого не смотрит. Но ведь ты, Зая, у меня не «лишь бы кто»? С тобой никто не сравнится, вот и докажи!

– Но не могу же я взять его насильно, Котик?.. И потом, возле него вечно его рыжая секретарша ошивается. До чего же несносная особа, терпеть ее не могу! Везде сует свой нос!

Кто, я? Пф-ф! Да очень надо! Если бы меня кое-кто не эксплуатировал самым бессовестным образом, то я бы и не подумала напрягаться!

– Она в приемной у Андрея с утра до вечера торчит! Как твоего деда не стало, так и норовит под нового босса забраться. Глаз с него не спускает, чтобы свой шанс не упустить…

Эй! Это ещё что за сказки?

Мой рот захлопнулся и даже поджался от негодования. Макушка едва не ударилась о верх столешницы. Что за чушь она несет?!

– Кошка неудовлетворённая!

А вот с этим не поспоришь… Но не их ума это дело!

– Спокойно, Нелечка! Рыжую оставь мне, я с ней разберусь. Как только «Сезам» перейдет в мои руки – немедленно вышвырну эту вертихвостку на улицу! Ты и только ты станешь здесь полноправной хозяйкой! Моя Розочка… Чмок. Чмок… Всё тебе куплю! Что только захочешь!

Фу! Какие же они оба мерзкие! И как только у Матвея Ивановича мог появиться на свет такой внук? Так бы и плюнула подлецу в лицо, до того обидно стало за своего старого шефа!

Да только как тут плюнешь, когда у меня уже ноги затекать стали.

– Ой, Валера!

– Но только после того, как ты поможешь мне убрать Воронова. С концами! С детства его терпеть не могу! Даю тебе несколько дней, Зая, и если не справишься, мы перейдем к плану «Б».

– Что, собьем его машиной? Как хотели?

– Отравим! Застрелим! К черту! Всё что угодно, лишь бы он исчез навсегда! Если не получится выманить за город, то прикончим его здесь!

Ой, мамочки, что делается-то?! Караул!

– И да, моя прелесть, уясни один важный момент… – вновь послышался гнусный шепоток Куприянова. – Если ты вдруг вздумаешь предать меня и остаться с Андреем…

– Да ты что, Валерочка! Как можно! Я тебя люблю!

– Не прощу! Он никогда на тебе не женится, ему наследницу миллионов подавай. А вот я – да. Уяснила?

Чмок, чмок… и парочка исчезла. А я, огорошенная разговором, так и осталась сидеть под столом с распахнутыми глазами, осмысливая услышанное.

А когда всё в мыслях осело по полочкам и стало ясно, что преступление замышляемое Куприяновым и его любовницей совсем не шутка… тут же бросилась в приёмную. Первый раз влетела к шефу без стука и всё ему рассказала!

Всё-всё! Разве что о кошке неудовлетворённой промолчала.

А он…

Гад! Гоблин! Чурбан стоеросовый!.. Мало того, что не поверил, так еще и рот приказал держать на замке и выгнал вон! Иначе он меня уволит или в техперсонал разжалует. Только попробуй, мол, слухи по компании пустить! Схвачу за шкирку и только тебя и видели!

Ну, разве не олух?!

Но об этом я вам уже рассказывала.

Так вот, когда я оказалась под столом во второй раз, то с момента разговора в подсобке успело уже пройти три дня, и я к этому времени здорово извелась от переживания. И пусть вздрагивала от каждого шороха и держалась рукой за сердце, но на этот раз действительно вертелась перед носом у Нелечки, всячески оберегая от нее Воронова. Не позволяя красотке приблизиться к шефу.

Но рабочий день закончился, офис медленно опустел, и мне показалось, что недовольная Людоедочка ушла с работы. Убедившись, что кабинет исполнительного заперт, а за окном давно стемнело, я тоже засобиралась домой.

Шел уже восьмой час вечера, обледеневшую дорогу припорошил снежок, и все, что мне оставалось сделать, это передать шефу отобранную по его требованию стопку прошлогодних договоров с частными фирмами.

Взяв документы со стола, я постучалась в дверь и вошла в кабинет генерального.

Темноволосый и хмурый Воронов, с прямой спиной и широкими плечами, сидел в кресле за массивным столом и что-то печатал в ноутбуке. Заметив меня, он кинул раздраженный взгляд на циферблат дорогих часов, надетых на крепкое запястье, и снова уткнулся в экран.

– Вы все еще здесь, Петухова? – заметил, как всегда, недовольно. – Долго же вы возились. Я рассчитывал просмотреть договоры еще час назад.

Спокойно, Даша. Главное, это не реагировать на чужое настроение и держать себя в руках. При царе вельможи и вовсе своих личных секретарей пороли розгами, так что тебе еще повезло!

Пока я подходила к мужчине, мой женский взгляд привычно отметил натянутую на широких плечах рубашку и аккуратно висевший на спинке кресла пиджак. Его вид подсказал мне, что уходить домой Воронов еще не торопился.

– Час назад, Андрей Игоревич, вы хотели кофе и план конференций. А еще вам вдруг понадобилось полить в кабинете все растения и получить список звонков в приемную. А между прочим, рабочий день давно закончился. Но я все еще здесь, и принесла договоры, как вы и просили.

– Вы всегда препираетесь с шефом? Или только я на вас так действую, Петухова?

– Я – Петушок. Простите, как?

– Гипнотически. Заставляя всё время прибегать к отговоркам.

– Т-то есть?

– Если бы вы действительно хотели уйти пораньше, Петухова…

– Я – Петушок!

– …То не стали бы ждать моей просьбы, а принесли мне кофе сами. И с договорами бы поторопились!

– Да вы его пьете по шесть раз на день! Откуда же я знаю, когда у вас есть на него минутка, а когда нет?

Воронов оторвал тяжелый взгляд от ноутбука, поднял руку и устало потер пальцами висок. Взглянув сердито глазами-льдинками, подозвал к себе ближе и отобрал у меня документы.

– Спасибо!

– Пожалуйста! Я могу идти?

– А я вас держу? – спросил сухо и вновь деловито уткнулся взглядом в монитор.

Красивые смуглые пальцы запорхали над клавиатурой. А выражение глаз такое, словно, и правда, не держит. Это я сама тут, ромашка бестолковая, бегаю взад-вперед из приемной в кабинет и обратно, отвлекая человека от работы. Как будто у меня нет дома и детей!

Тьфу ты! Как же с ним сложно!

А самое обидное, что ведь и не знаешь, как ответить. То ли начать оправдываться, а то ли вернуться в приемную и сидеть под дверьми и дальше, доказывая верность компании.

Вот пойми его, чего он от меня хочет?

Я замерла в растерянности, таращась на Воронова.

– В чем дело, Петухова? – темная бровь шефа грозно приподнялась, а лицо повернулось. – Вы увидели во мне что-то интересное?

– Нет.

– Значит, не интересное?

– Вовсе нет!

– То есть, вы хотите сказать, что я два вас – пустое место?

Я только головой повертела из стороны в сторону, примерзая взглядом к холодным глазам. Что происходит?

– Андрей Игоревич, вам плохо? – попробовала догадаться, по привычке приложив ладонь ко лбу шефа. У Стёпки тоже в период температуры речевой бред случался. Но, опомнившись, быстро отдернула пальцы и отступила. Лоб оказался теплым и гладким. – Мне кажется, вам пора домой и отдохнуть.

– Ей кажется… – проворчал Воронов. – До чего же вы… навязчивая! – вдруг ни с того ни с сего вспылил, раздраженно отодвигая от себя гаджет. – И так к черту ничего не сходится, так еще она! Вам что, мужского внимания не хватает? Так со мной вы его не найдете, не надейтесь! Принесли документы и всё, дверь – там. До свидания! Лично меня вы ни капли не интересуете, бросьте ваши уловки с нежностями!

Я так и обмерла. Нет, ну какой же пингвин обмороженный. Это же каким надо быть павианом, чтобы до такого додуматься?

– Да как вам не стыдно! – возмутилась справедливо. – Какие еще уловки? Я только хотела проверить, как вы себя чувствуете!

– В следующий раз, Петухова, занимайтесь не мной, а бумагами! Нормально я себя чувствовал. Во всяком случае, до встречи с вами!

– Я – Петушок!

– То-то я думаю, почему у меня от вашего кукареканья голова разболелась!

Стало так обидно, просто жуть. Я тут для него старюсь, остаюсь после работы, а он… А Он!

– Хам! Вот вы кто!

Ой, неужели это я сказала?

А, впрочем, он еще и не такое оскорбление заслуживает! Да за кого он меня принимает? Кем себя возомнил?

– Что?!

– Что слышали! Хватит с меня ваших насмешек. Я увольняюсь! Сейчас же напишу заявление и… и крутитесь вы тут сами, как знаете! Можно подумать, вы меня интересуете! Да я лучше буду одна, чем… чем…

– Чем что, Петухова?

Однако, смерив сердитым взглядом красивого мужчину перед собой, я не сразу нашлась, что ответить. Спасибо сверкающим холодом голубым глазам – подсказали.

– Чем с ледяным айсбергом, вот! До вас же дотронься и сразу весь сосульками покроешься! Если и вовсе не окоченеешь! Б-р-р-р!

Выпалила всё это шефу в лицо, и сразу же легче стало. А пусть знает, что я о нем думаю! Надо будет, и прокукарекаю звонко!

Воронов посмотрел, посмотрел… пыхнул гневно аристократичными ноздрями… и, как ни в чем ни бывало, вновь вернулся к работе. Застучал подушечками пальцев по клавиатуре, разворачивая программу учета данных и параллельно закрывая просмотренные ранее акты.

– Эй, Андрей Игоревич, вы слышите, что я сказала?

Воронов прекрасно слышал, только вот отвечать не собирался. Сомкнув твердые губы, ввел к закрытой базе личный пароль доступа, открыл несколько виртуальных окон и сделал вид, что меня не существует.

Клац, клац, клац…

А ну и ладно! Всё равно слова уже брошены. Конечно, работу потерять будет безумно жалко – тем более любимую! Но лучше уж так, чем и дальше терпеть насмешки этого грубияна. Я хоть и послушный помощник, но у меня тоже гордость, какая-никакая, а есть! Не хватало еще, чтобы Воронов возомнил тут, будто я его соблазнить хочу.

Надо же, глупость какая!

– Молчите? Ну и хорошо, – взяла себя в руки. – Это даже к лучшему, что вы на работе. Сейчас напишу заявление и принесу. Сразу и подпишете, чтобы я вам больше глаза не мозолила.

Произнесла гордо, развернулась, и только уже собралась уйти в приемную, как за спиной раздалось:

– Я вас, Дарья, не отпускал!

Если честно, остановиться и оглянуться заставило удивление. По имени меня шеф назвал впервые.

– Простите…

Но мужчина продолжал сверять документы и копировать данные из базы учёта в новый файл.

– И заявление от вас не приму. Мой рабочий день уже окончен.

– Но я завтра не приду!

– Тогда мне придется привезти вас на работу лично! А я очень занят. Разве вы не видите?

Видела. Я очень даже видела, как он старается. Поэтому и помогала. Только вот мысли читать не умею! Неужели нельзя было сказать, если очень надо?

Воронов все же оторвал взгляд от монитора и пригвоздил им меня к месту.

– Завтра в одиннадцать я встречаюсь с группой инвесторов, – продолжил. – Часом ранее у меня важное совещание с директором по развитию. В шестнадцать ноль-ноль я жду у себя в кабинете всех наших менеджеров с надеждой узнать, какого черта они все здесь делают! Я ужасно устал, а мне еще предстоит рассортировать по датам стопку договоров, которую вы принесли. Раз уж вы сами об этом не догадались!

– Так попросили бы! – решила хоть раз не уступить шефу в упрямстве, раз уж все равно увольняюсь. – Откуда мне знать, чего вы хотите? Я привыкла исполнять поручения, а не желания. Я не могу угадать, что за мысли сидят в вашей голове и воплотить их в жизнь!

– И очень жаль, Дарья! Потому что, если бы могли, мы с вами сэкономили бы кучу времени… и сил! И точно оба были бы довольны!

– Ой ли? Что-то сомневаюсь! Особенно насчет вас и себя!

Произнесла так, и сама поняла, что прозвучало как-то… двусмысленно, что ли. О чем это мы?

Пришлось срочно подойти к стопке договоров, лежащих на столе, и начать их пересматривать, пряча от пристального взгляда шефа заалевшие щеки.

Так и быть! Сейчас выполню для родной компании это последнее поручение, а потом все равно заявление напишу! Не сработаемся мы с Вороновым, ну не нравлюсь я ему. Вот и пусть ищет себе кого-нибудь другого, или другую, кто станет с ним тут куковать до полуночи. И в кого можно втыкать шпильки! А у меня дети есть и семья!

Но правда жизни не дала гордости расправить крылья и вернула к действительности.

А еще, у меня есть кредиты и ипотека. Риточке бы надо пальтишко пуховое купить к празднику – выросла Олина дочка, скоро с меня ростом будет. Стёпка ждет под ёлку световые доспехи и модульный бластер. А Сонечка… а Сонечка продолжает мечтать о собаке.

Господи, вот только собаки мне для полного счастья в жизни и не хватает!

Я подняла плечи и грустно выдохнула, а у ледяного шефа от моей вопиющей наглости – стоять тут перед ним и вздыхать полной грудью – даже кадык дернулся, пока я, расчувствовавшись, представила завтрашний день в качестве безработной мамы.

– П-петухова! – с рыком развернул он ко мне кресло, собираясь встать, но тут же повернул голову в сторону приёмной, расслышав за дверью чьи-то шаги – стук каблуков по паркету, размеренный и тонкий.

Видимо, мы оба догадались, кому он принадлежит, потому что вместе застыли и переглянулись, словно нас поймали на горячем.

– Че-ерт! – вдруг резко выдохнул Воронов, и быстро с досадой взглянул на часы. – Вы еще здесь!

– Да уж! А что, собственно…

Но не успела я спросить, впускать к нему Людоедочку или нет…. А это несомненно была она – коварная любовница и сообщница Куприянова. Как Воронов, потянувшись к ноутбуку с намерением его закрыть, случайно смахнул на пол часть документов из большой стопки договоров, которую я начала пересматривать. А когда они рассыпались у его кресла и залетели под стол, невозмутимо скомандовал:

– Соберите, сейчас же. Они мне очень нужны!

Приказал мне как раз в тот момент, когда в кабинете раздался стук в дверь, и из приемной донесся мелодичный голос:

– Андрей Игоревич, вы один? К вам можно войти? Это Нелли Пригожева, я по личному делу!

Ах, по личному? Вот обманщица! Знаю я ее личное!

Сердце бешено заколотилось, и я стремительно обернулась к Воронову:

– Нет! Андрей Игоревич, не впускайте ее! А вдруг у нее пистолет? Здесь на этаже ни единого человечка кроме нас, вся охрана внизу. Оставайтесь на месте, я запру дверь!

Я уже почти отлетела от стола, намереваясь, если понадобится, грудью встать на защиту шефа (тьфу на него!), но цепкие пальцы мужчины поймали меня за локоть и вернули на место. А гневный шепот раздался у самого уха:

– Стоять, Петухова! Опять вы за свое? Собирайте бумаги и прекратите меня спасать, кому сказал! Молча!

Вот так запросто схватил меня за плечи и сунул под стол. Сильный, зараза! А чтобы я не высунулась, пока красотка Нелечка, ослепительно скалясь и виляя бедрами, шла по персидскому ковру к нему навстречу, эта голубоглазая сво… простите, нехороший человек, наступил на мою юбку (припечатав ее к полу своей туфлей сорок пятого размера), да еще и руку на мою шею сверху водрузил.

Обхватил меня длинными пальцами под затылком так, что и не двинуться. Не то что документы собрать.

Какая неслыханная наглость! Произвол, бесцеремонность и деспотизм!

Да какой он хам? Он хуже! Разве был на такое способен Матвей Иванович?!

От изумления и возмущения я не только все слова растеряла, но даже голоса лишилась.

И все же я бы наверняка что-то пропищала и попыталась освободиться, если бы вдруг и сама не оцепенела, услышав вслед за приближаюшимися шагами женщины ее лелейный шепоток. Лишенный и намека на официальный тон:

– Ну, здравствуй, Андрей. Наконец-то мы одни!

Глава 3

Андрей

Стерва передо мной была хитрая, расчетливая и красивая. Немолодая, но мужчин охмурять умела, это факт. У мужиков в корпорации едва слюна не капала при виде высокой брюнетки с выдающимися формами, которые она и не думала скрывать под одеждой, несмотря на деловую этику компании. Как, впрочем, с первого дня не собиралась скрывать и свой интерес ко мне, стоило поймать на себе ее взгляд.

Помощница Куприянова, супер-специалист по аналитике рынка. Если верить словам двоюродного брата, то совершенно незаменимый сотрудник.

Не скажу, что я сильно удивился, когда не обнаружил в архиве работников компании ее личного дела. Никаких сведений и рекомендаций, никакой профессиональной истории. А позже смог убедиться сам, что у Нелли

Пригожевой не оказалось и никаких навыков аналитика. Не говоря уже о сути понимания своего пребывания здесь с точки зрения занимаемой ею должности.

Она появилась в «Сезаме» практически в одно время со мной, и всё, на что оказалась способна – это сделать так, чтобы я ее заметил.

Я заметил, вот только красоткой не впечатлился, как на то надеялся Валерка. Не люблю продажных баб, независимо от того, сколько они стоят и для чего их используют. И грубого расчета тоже – кто-кто, а мой брат, будь он поумнее, мог бы и догадаться, что я уже давно не сопливый мальчишка, падкий на дармовые прелести. И не игрок, в отличие от него, чтобы клюнуть на такую явную наживку.

«Он боится, и ему есть, что скрывать», – вот первая мысль, которая пришла в голову, едва Куприянов представил мне Пригожеву, а брюнетка затруднилась ответить на прямой вопрос, что же привело ее в «Сезам» и какова цель ее работы в компании. Что-то здесь было нечисто – в настороженном взгляде брата и его показном дружелюбии, с которым он меня встретил. В тех скорбных слезах, которыми оплакивал случившееся с дедом, прижавшись к моей груди.

Да, успело пройти семь лет с того времени, когда мы виделись в последний раз, но даже по прошествии стольких лет я не спешил тешить себя надеждой, что Валерка изменился. И не ошибся. Если он и был сделан из того же теста, что и я, то замесы наши определенно отличались.

Стоило заглянуть брату в глаза, и стало ясно, что в свои тридцать шесть Куприянов остался прежним – такой же эгоистичной сволочью, по-прежнему живущей исключительно собственными интересами. Способный перешагнуть через любого, кто встанет на его пути.

И нет, он не мог так просто проглотить тот факт, что «Сезам» со смертью деда достанется мне. Я не был дураком и понимал, что перешел брату дорогу, но вот решению деда удивился.

Мне не нужна была его компания, у меня хватало и собственных амбиций, чтобы состояться в этой жизни без чьей-либо помощи. И до сих пор у меня всё получалось. Это Валерка был любимым внуком, не я. Первенцем, которого дед охотно баловал и прощал ему многое. Сначала украденные из дому деньги,

затем разбитую тачку и ложь, без которой брат не умел жить.

Не знаю, как в последние годы складывались их отношения, но что касается нас с дедом, то за последнее время мы точно не стали ближе.

Уже в шестнадцать я не собирался плясать под его дудку и знал, чего хочу. Не того, чтобы стать чьим-то марионеточным отпрыском, на которого возлагают большие надежды. Я тоже был эгоистом, но иного свойства, чем брат, и во всех делах привык полагаться лишь на себя.

Так что с первого дня, как только вернулся в город и возглавил «Сезам», я неустанно задавался вопросом: что же Куприянов задумал? И что с дедом Матвеем случилось на самом деле?

Известно было немного.

Деду стало плохо вскоре после разговора с Валеркой. Оба находились в загородном доме Воронова-старшего, одни, когда у последнего внезапно случился приступ. И Куприянов клянется, что в этот момент он спал, и только через час обнаружил деда на полу в его кабинете. Клянется, зная, что оспорить его слова практически невозможно.

Я не сразу попал в дом, но к тому моменту, когда это случилось, у меня уже были подозрения, что в компании не все гладко. Однако я не нашел у деда никаких важных бумаг, подтверждающих мои сомнения. Ничего, что помогло бы пролить свет на его последний разговор с внуком и дать хоть какую-нибудь зацепку.

Что-то в «Сезаме» шло не так. И чтобы понять, что же именно, я стал все глубже изучать документы и знакомиться с миром корпорации, полагаясь на свою интуицию. И в конце концов она не подвела.

Размер махинаций поражал. А еще участие в незаконных сделках ведущих лиц компании.

Я понимал, что вряд ли Куприянов смог бы сам организовать подобные схемы кражи капитала, но то, что он предал дело деда – больше не вызывало

сомнений.

Я был ко многому готов. Мне предстояло разворошить осиный улей и глупо было надеяться, что осы не станут жалить в ответ. Но только не к тому, что Валерка решится на мое убийство… Нет, этого я не ожидал.

Так что, когда ко мне в кабинет прибежала Петушок с распахнутыми в ужасе глазами и стала щебетать о замышляемом моим братом и его сообщницей преступлении, об опасности, которая мне угрожает – я оторопел. Не так от самой новости и факта договоренности между любовниками, как от сожаления, что всё происходит слишком быстро.

Рано они засуетились, мне нужно время. Я уже нанял людей и начал расследование. Мне удалось во многом самому разобрался… но не во всём. Не во всём, и тут Петушок.

Ее испуг мог к чертовой матери смешать все планы. У этой Рыжей ведьмы хватит ума разболтать кому-нибудь о том, что она слышала и видела. И пусть мне не хотелось в это верить поначалу, но оказалось сложно найти человека бесхитростнее и преданнее компании, чем мой секретарь.

Или я плохо разбирался в людях.

Когда я впервые вошел в приемную генерального директора «Сезама», злой и сбитый с толку случившимся с дедом и его решением, то зацепился взглядом за стройную фигуру девушки у окна. Совсем не собирался, но обратил внимание на красивую линию плеч, белокожую шею и… свернутые на затылке в тяжелый жгут волнистые волосы незнакомки – темно-рыжие, цвета низкого пламени, пляшущего на палевых углях темной ночью.

Прошла всего секунда с того момента, как я переступил порог и еще не успел толком ее рассмотреть, а в голову уже толкнулась неожиданная мысль: «Такому пламени только дай свободу, и оно разгорится в костер так, что и не потушишь».

Чушь!

Я вошел стремительно и девушка не успела повернуться, но догадаться, кто передо мной, не составило труда. Слухи о ней и моем деде, сошедшем на старости лет с ума и взявшего на работу какую-то девчонку с улицы, дошли до меня раньше, чем я вошел в здание корпорации. И, конечно же, не могли не отозваться в душе недовольством.

Она повернулась, услышав звук моих шагов, и на миг не смогла скрыть удивление в глазах. Не знаю, что ее удивило больше – то, что я так бесцеремонно вошел в приемную и собирался без предисловий занять кабинет генерального. Или то, что между мной и ее шефом не оказалось видимого сходства?

Не важно, но в любом случае она быстро взяла себя в руки и напряглась. Я тоже.

И если бы секретарь деда оказалась красоткой, мне было бы легче понять, как она попала с улицы в сердце «Сезама» и здесь осталась. Я почти ожидал увидеть перед собой роковую хищницу. Но девушка, встретившая меня в приемной, оказалась обычной. Да, с хорошей фигурой и тонкими чертами лица, но скорее уж милой. И точно без того вызова в глазах, с которым яркие женщины предпочитают себя нести и всего добиваться.

И вот тут я напрягся сильнее, ожидая подвоха – так чем же эта рыжая смогла зацепить моего деда? Из-за чего все эти слухи? Что в ней такого, что Матвей Воронов, наплевав на всех, приблизил ее к себе?

И какого черта меня это сейчас интересует, когда мне и без того есть, о чем думать?

В тот день я не получил ответа ни на один вопрос. Ответы пришли позже. Но уже тогда первая ласточка догадки вспорхнула на плечо, стоило Петушок выйти из-за стола и представиться. Подойти ко мне ближе, протянуть руку и вскинуть густые, мягкие ресницы, открыв моему взору каре-зеленый взгляд чуть раскосых глаз…

Ведьма! Я так и замер, на мгновение увидев ее с всклокоченными волосами и нагими плечами. Едва не зажмурился от поразившей воображение картины. Да с чего бы вдруг?!

… И сказать мне приятным голосом:

– Здравствуйте, Андрей Игоревич, очень рада вас видеть в «Сезаме»! Примите моё сочувствие, мне так жаль, что происходит с Матвеем Ивановичем! Ваш дед прекрасный человек, и я продолжаю надеяться, что он непременно поправится и вернется к управлению компанией!

А потом и улыбнуться:

– А пока здесь вы, можете всецело на меня рассчитывать! Я вам во всём помогу! Вот, прошу, ваш новый кабинет, – перед глазами мелькнуло тонкое запястье с алебастровой кожей. – Юристы компании уже оформили все необходимые документы и изготовили печати. Пройдемте, пожалуйста, я передам вам код от сейфа… Мы вас так ждали, если бы вы только знали!

Даже представления не имею, «как». А вот о «прекрасном человеке» – весьма полное. И, хм, я бы так о своем деде не сказал.

И что значит: «Пока я здесь?» На что это она предлагает мне рассчитывать?

И… я ослышался, или у нее на самом деле есть доступ к главному сейфу компании?!

Сердце глухо стукнуло о ребра – от непонятного раздражения и чего-то еще, чему я так и не нашел объяснения, пока смотрел в аккуратный затылок Рыжей, следуя за ней в свой кабинет. Пока наблюдал, как она распахивает для меня дверь и суетится вокруг, оживляя обстановку довольно просторной комнаты – открывая на окнах жалюзи, поправляя директорское кресло и вазу с живыми цветами, стоящую на массивном столе из красного дерева.

Еще несколько таких же бело-зеленых букетов, красиво оформленных флористом, стояло на длинном столе для совещаний.

Это еще зачем?

Она увидела мой хмурый взгляд и поспешила объяснить:

– Матвей Иванович очень много времени проводил на работе. Ему нравились цветы и растения, поэтому здесь так зелено. Цветы доставляет служба доставки через день, но если вам не нравится, я откажусь от их услуг.

– Вы?

– Ну, да, – Рыжая сделала вид, что не заметила моего удивления и тактично улыбнулась. – Как ваш секретарь, я должна обеспечить вам рабочий комфорт. Так что, если у вас, Андрей Игоревич, будут какие-нибудь пожелания, вы только скажите, и я постараюсь…

– Скорее, у меня будет вопрос.

– Слушаю.

– И насколько «всецело», уважаемая Петухова, вы намерены мои пожелания удовлетворять? Что именно входит в ваши обязанности?

– Я – Петушок. П-простите, – ресницы Рыжей изумленно мигнули, – не поняла?

– А вы, как вижу, не из сообразительных.

Секунда замешательства, и моя новая подчиненная поджала губы. Поправила растерянно волосы у виска, но взгляд не отвела. А вот щеки зарделись румянцем, совсем как у девчонки.

Интересно, сколько ей лет? На вид не больше двадцати трех, хотя на деле она наверняка старше. Валерка намекнул, что у нее есть дети, и что, если я раскину мозгами, то пойму, от кого. Ведь мужа у Петушок нет, а вот гарантии в «Сезаме» имеются.

Ерунда. Я посоветовал Валерке заткнуться и не пороть чушь. Этой части слухов я, в отличие от него, не поверил. Куприяновы не Вороновы. Были бы от деда, носили бы его фамилию, а не какую-то дурацкую «Петушок». Или я не знал характера своего родственника. Но вот прельститься вниманием молодой девчонки дед вполне мог. И отплатить ей за «симпатию» местом своего секретаря. Другого объяснения тому, как она здесь оказалась, не было.

Но, к черту! Какое мне дело до всего этого, когда я должен удержать корпорацию в руках? И почему один вид этой Рыжей меня злит? Неужели всё из-за двух бессонных ночей и моего нежелания возвращаться в город?

Я обвел взглядом свой новый кабинет, и вновь вернул его на секретаря. Мне еще во многом предстояло разобраться, и в том числе закрыть вопросы: насколько глубокие у Петушок связи в «Сезам»? И действительно ли ей можно доверять?

– Я не пойму, о чем вы, Андрей Игоревич? Можно конкретнее?

Я расстегнул на пиджаке пуговицу и ослабил галстук.

Можно, но зачем? Ведь и так всё поняла.

– Нельзя, – коротко отрезал.

– Т-то есть, вы хотите, чтобы я ушла?

– А вот мысли, Петухова, вы читаете куда лучше. Я еще сам не решил, чего хочу, – честно признался, снимая с себя пиджак и перекидывая его на спинку стула, прежде выдвинув последний из-за стола, – но не уверен, что мы с вами сработаемся.

– Но вы меня совсем не знаете!

– Зато наслышан о вас, как о ценном кадре! – жестко ответил девушке, не дав ей договорить.

Этот день еще не успел перевалить за полдень, а уже казался слишком длинным из-за его переездов, информации и людей. Из-за Валерки, путавшегося под ногами, и его чёртового языка.

Боюсь, что сегодня я со многими был не сдержан, желая остаться один.

Петушок побледнела и замерла, в волнении приоткрыв губы. Ахнула, на этот раз почти не слышно:

– Ах, так?

Оставив в покое вазу, девушка нервно взяла в руки графин и отошла от стола. Прижав стеклянный сосуд к груди, остановилась на ковре и приподняла подбородок.

В ее позеленевших глазах что-то мелькнуло на миг, словно высеклись искры, и на короткую секунду мне показалось, что она собирается меня им огреть.

Еще чего не хватало!

Смерив новую подчиненную ледяным взглядом – от стройных ног до головы, я подошел ближе и решительно отнял у нее графин. Вернув его на стол, вновь повернулся к девушке.

– Скажите, Петухова, пока мы одни: есть что-то, о чем я должен услышать лично от вас и, возможно, сохранить это в секрете? Это важно! Я предпочитаю знать всё о скрытых на пути рифах, прежде, чем плыть в фарватере.

Мы стояли в шаге друг от друга, но она держала мой взгляд. А вот мне стало интересно, это цветы сейчас так приятно пахнут зеленью летних колокольчиков и ирисов, или… сама Петушок?

Хм, ну и мысли. Определенно у меня давно не было женщины, раз уж мой мозг задает подобные вопросы в самое неподходящее время. Зря я перед вылетом отказался заехать к Анне, хотя она ждала. Отношения между нами и так расстроились в последнее время, а теперь и вовсе непонятно, когда смогу вернуться в Германию.

Хотя, может, всё и к лучшему. Будет повод выяснить с моим бизнес-партнером, куда наши встречи нас завели – в тупик, или на развилку дорог.

– Нет, Андрей Игоревич. Никакой информации «лично для вас» у меня нет, – исполнительно отчеканила Рыжая, вернув лицу уверенность. – А что касается непосредственно «Сезама», то буду рада поделиться с вами любой информацией. Жду распоряжений!

– А если я попробую сам разобраться? Без вашей помощи?

– Что ж, тогда я вам не завидую, – спокойно выдохнула Петушок.

– Почему это?

– Потому что потратите уйму времени, а уволить меня вы все равно не сможете! – ну, хоть здесь голос дрогнул.

– Я же сказал, что еще ничего не решил!

– Зато решил ваш дед! Матвей Иванович сам принимал меня на работу, лично, и уволить меня из компании тоже может только он!

– Ах, так? – повторил я за Рыжей ее удивленное, сужая взгляд. Ожидая, что же она сейчас еще скажет?

Но она ответила уже куда сдержаннее:

– Да, так. Нравится вам это или нет. Так что… располагайтесь, Андрей Игоревич. Понадобится код от сейфа – обращайтесь, я буду в приёмной.

Сказала без лишней спеси, развернулась на невысоких каблуках и направилась к двери.

– Эй, Петухова? Принесите мне кофе! Я люблю черный и горький!

– Я – Петушок!

– А после не беспокоить!

– Хорошо, как скажете. – Но прежде чем дверь в кабинет захлопнулась, я успел расслышать: – …блин!

Пришлось повернуться к зеркалу и провести рукой по щеке, критично себя осматривая:

Я что, и правда, похож на гоблина?

Дальнейшее наше общение с Петушок подтвердило: видимо, да. Потому что время шло, а общий язык со своим новым секретарем я так и не находил. Она по-прежнему меня нервировала, отвлекала от работы и, стоило ей попасться на глаза – вызывала в голове мысли, совершенно неуместные в данный момент. И уж точно лишние!

Как они с дедом познакомились? Что в этом кабинете происходило до меня?

Так ли нуждался Матвей Воронов в своем секретаре, как уже через месяц стал нуждаться я?

И почему, черт возьми, раздражение не проходит, а только накатывает сильнее, стоит Петушок оказаться рядом, изображая внимание и желание мне помочь?

Мне следовало думать об управлении корпорацией, которую дед возложил на мои плечи, а не о такой ерунде. Об активах, инвестициях и планах. О подписанных договоренностях с партнерами и крупном масштабе работ, которые «Сезам» вёл как в городе, так и далеко за его пределами. О людях, которые трудились на фирму, о дорогостоящей технике и договорах.

Первое время, когда от информации и новых лиц кружилась голова, казалось, что она и вовсе слетит с плеч от навалившего на них груза ответственности.

Для меня стало настоящим сюрпризом, как ловко Петушок расписала в моем графике встречи, переговоры и плановые совещания. Как умудрялась пропускать ко мне нужных людей, и не отвлекать теми проблемами, которые было вполне по силам решить младшему штату директоров.

И пусть я поскрипел зубами, но все же принял странный устав отношений генерального и его личного секретаря, когда обнаружил, что часть документов получает подпись уже на ее столе, а печати на них появляются даже в мое отсутствие.

– Если вы против, Андрей Игоревич, я с радостью буду приносить эту стопку документов на подпись к вам! Конечно, это будет занимать ещё часа два вашего времени, но раз вы настаиваете… Вот, посмотрите, здесь отчеты из бухгалтерии; здесь – заявления из отдела кадров; вот эта стопочка – письма. Самые важные я всегда передаю вам на стол! А это – техническая документация. Ее всегда утверждает технический директор, а вам присылает формуляр. Но вам всё равно лучше ее сразу просмотреть, чтобы не создать лишних задержек на производстве. А вот это – нормативные акты и…

– Какое у вас образование, Петухова?

– Высшее.

– Специальность?

– Бизнес и экономика.

– Дайте я сам догадаюсь: вы отличница учебы и выиграли конкурс, чтобы попасть в «Сезам». Я угадал?

– Нет.

– Не может быть. В чем же я ошибся?

– Во всем. Но я не допускаю ошибок и серьезно подхожу к своей работе. Напрасно вы во мне сомневаетесь, Андрей Игоревич. Так мне оставлять вам документы? Их надо бы подписать уже сегодня, люди ждут.

– Выполняйте, Петухова! Не видите, я тут с договорами разбираюсь, будь они неладны!

– Вижу. Но я – Петушок…

– Вы все еще здесь? Идите уже, мне сейчас не до вас!

– Хорошо.

– И никого ко мне не впускать, я работаю с конфиденциальной информацией!

– Конечно, Андрей Игоревич.

– И сами не мелькайте. Что у вас за привычка дергать меня по каждому вопросу? Вы мне мешаете сосредоточиться!

– Так вы же сами к себе позвали!

– А теперь идите.

– Как скажете…

– Куда же вы, Петухова? Вернитесь! Я просил черный кофе. Без сахара! И не тяните там, терпеть не могу пить остывший…

Как ни хотелось сомневаться, а пришлось признать, что Петушок была в компании на своем месте, и дед держал ее возле себя не просто так.

Когда нашлись несоответствия в счетах и документах, а после возникли и первые подозрения, что к махинациям внутри «Сезама» причастна группа приближенных к руководству людей, я половине штата отменил премии к зарплате. В том числе лишил щедрых премий директоров и их окружение, желая разобраться, кто именно из них выступает главным теневиком.

По большому счету – мелочь, но, как я и ожидал, осиный рой загудел и стал принимать меня всерьез, чего я и добивался.

Что же касается моего секретаря, то я не спешил ей доверять. Она была приближенным к моему деду лицом, и при всей ее исполнительности, продолжала вызывать много вопросов. Я по-прежнему не знал, как она попала в приемную самого Воронова, и кто приложил к этому руку. А вот зачем – предположений имелось немало, и я намеревался всё выяснить.

Когда у Петушок зарплата уменьшилась на треть, я ждал, что она придет и наконец попросит разговора тет-а-тет. Тихо войдет в мой кабинет и, пуская слёзы, начнет вымаливать содержание. Ведь приступ с дедом случился

внезапно, а он наверняка ее баловал. Что-что, а жадности я за ним не помню.

Я был почти уверен, что разгадаю тайну их отношений и распутаю клубок здешних связей… а она не пришла. И не приходила. Причем, ни взгляды, ни движения усердной Петушок не выдавали в ней желания покаяться и что-либо у меня попросить. И это только подогревало злость.

Потому что я больше ни черта не понимал! Судя по скромной одежде, небольшим золотым сережкам с зелеными камнями, которые так шли к ее каре-болотным глазам и белой коже, судя по простенькой сумочке – больших денег у Петушок не водилось. А на прямые вопросы, как она попала в приемную к генеральному, она отвечала уклончиво: устроилась, мол, через отдел кадров, и баста. Все вопросы к Матвею Ивановичу!

Ну да, так я в эту сказку и поверил! Тоже мне, нашлась девчонка с улицы! Пусть расскажет эту байку людям вокруг, которым рты не закроешь. Таким, как Куприянов, но не мне.

Так неужели у них с дедом, и правда, что-то было? И насколько серьезно? Может, поэтому она и не смотрит на мужиков вокруг, хотя охочих подкатить к моему секретарю здесь хватает. И ведь даже не флиртует ни с кем, я бы заметил.

А может, это потому, что у нее кто-то есть?..

После очередной бессонной ночи и целого дня, проведенного в разъездах и на объектах, голова раскалывалась, и давило виски. Я вернулся в офис хмурый, голодный и злой. Проклиная тот час, когда во Франкфурте раздался звонок и неожиданно вырвал меня из моей привычной жизни в город, где я родился, и где думал, меня больше ничего не держит. Той жизни, где у Андрея Воронова был собственный бизнес, дом, мать, спортзал, время на нормальные ужин и обед в ресторанах, и где был секс. Да, с деловой партнершей, но мы с Анной неплохо ладили, когда дело касалось постели и не касалось чувств. Она много чего могла предложить.

А сейчас у меня что? Поесть толком некогда, не говоря уже о том, чтобы с кем-то переспать.

Хотя с «кем-то» в контексте меня звучит почти нереально. Последнее время я стал слишком разборчив и сух с женским полом. Хотя… кто знает, может, и клюнул бы на Валеркину наживку Нелли Пригожеву, если бы не…

Если бы не «что»?

Дверь открылась и в кабинет, за окнами которого уже успело стемнеть, проскользнула моя секретарша. Тихо, стараясь не шуметь, прошла по ковру мимо меня и остановилась возле шкафа.

На светлом фоне стены тут же образовалось рыжее пятно и притянуло мой взгляд. Не удержав внимание на экране ноутбука, я украдкой бросил его на девушку.

Петушок пришла полить цветы, как я и просил, и принесла с собой стремянку. Приставив ее к шкафу, сбегала в приемную за лейкой, вернулась, и с опаской покосилась на меня. И только убедившись, что я занят работой, стала забираться наверх.

Ступенька, еще ступенька. Взобравшись на верхнюю перекладину, Рыжая приподнялась на носочках, оперлась рукой о верхнюю панель шкафа и потянулась лейкой к растениям…

Выдохнуть получилось не сразу, но зато давление на виски ослабло. Эту часть рабочего дня я любил больше всего. Когда мог не врать себе…

Петушок была не просто милой. Она была хорошенькой и чертовски уютной молодой женщиной – вкус у Вороновых, похоже, сходился не только в любви к одним и тем же маркам машин и комфортной жизни, но и в симпатиях к слабому полу. Ее присутствие успокаивало, стоило ей войти, и настраивало на работу. Но только ту часть меня, которая касалась бизнеса. А вот мое либидо при ее появлении заставляло сердце учащенно стучать, злиться, вспоминать недобрым словом бывшего хозяина кабинета, и все равно возвращаться к ней взглядом.

Гибкая талия и округлая попка – мне всегда такие нравились. Прямая строгая юбка весьма аппетитно обтянула зад Петушок и выгодно показала длинные ножки. Интересно, кожа на ее бедрах такая же нежная, как и на запястьях? Или у нее есть места нежнее?..

Например, на затылке, под густой копной волос, которые она никогда не распускает? Потому что думать о других местах девушки может любой другой кретин, но только не я.

«Петушок», до чего же глупая фамилия. Совершенно дурацкая! Не дай бог такую нормальному мужику – ведь засмеют так, что легче будет удавиться.

Замуж, что ли, бы вышла. Да хоть за деда. Была бы Воронова, а не какая-то там… «ку-ка-ре-ку»!

Я не успел опустить голову, и мы встретились взглядами. Обернувшаяся Петушок внезапно покачнулась, ойкнула и, взмахнув рукой, громко вскрикнула. Лейка полетела вниз, стремянка стала наклоняться… И если бы я в это время смотрел в ноутбук, то не успел бы вскочить, перепрыгнуть через стол и поймать свою неловкую секретаршу на грудь, удержав ее в руках.

Рядом хлопнула стремянка, свалился горшок с цветком. Петушок крепко обхватила меня руками за шею, широко распахнула глаза и, встретившись с моими, снова ойкнула, но на этот раз от страха.

– А-андрей Игоревич… И-извините!

Ее грудь находилась в трех сантиметрах от моего лица, и секунду назад мне пришлось оторвать от нее свой нос. А вслед за оглушившей нас обоих паузой тишины – хоть что-то сказать, чтобы не застыть перед подчиненной, как дурак. Потому что Петушок оказалась уютной не только на вид, но и очень даже на ощупь.

– Это что еще за кульбиты, Петухова?! Только цирка в моем кабинете и не хватало! С чего вы вдруг вздумали на меня запрыгивать?

– Я?!

– Ну, да! У вас что, других поручений нет?

– Я не вздумала, это произошло случайно!

– Конечно! И теперь вы случайно изображаете на мне мартышку? Ну и как, удобно?

– Нет!

– То есть я, по-вашему, настолько неприятный, что лучше было позволить вам упасть на пол?

Щеки Петушок не просто вспыхнули, а густо зарделись пунцовым цветом.

– Нет, вы приятный… Точнее, я хотела сказать, что не хотела… Так вы же сами меня поймали!

– Естественно! А что мне прикажете, сидеть и наблюдать, как вы на моих глазах себе шею сломаете, что ли? А потом вези вас в скорую помощь, сиди в приемной полночи! А у меня тут работы невпроворот! Спать некогда! Или вы полагаете, я только о вас и должен думать?!

– П-простите, Андрей Игоревич. Так неловко вышло.

– Признавайтесь, Петухова, вы намеренно всё время меня отвлекаете? Вам что, скучно в своей приемной?

– Б-больше не повторится!

– И не вздумайте, я вам не пальма!

Я поставил Петушок на ноги и сердито отодвинул от себя, чтобы больше не волновала своей близостью. Только этого мне сейчас и не хватает на ночь глядя – сорваться и наделать со своим секретарем таких дел, после которых сложно будет найти слова, чтобы вместе работать. Хватит с меня и одних неуставных отношений с деловым партнером. Теперь оба не знаем, что с ними делать. И любить не люблю, и чувствую себя из-за этого подлецом.

Петушок наконец отмерла и быстро поправила на бедрах юбку, высоко задравшуюся от моих рук. Покосилась на меня одновременно смущенно и подозрительно: не на нее ли я вдруг уставился?

Серьезно? И у этой молодой женщины есть дети? А на вид – типичная невинность. Еще и краснеет, как школьница! Наверняка она из тех, кто занимается сексом исключительно в темноте и под одеялом. Лучше и не пытаться представить, что было бы, вздумай я поправить на ней юбку сам.

Ха! Однозначно оставил бы свет, а вот об Анне бы и не вспомнил.

Черт!

Я отошел в сторону и поднял стремянку. Обхватив ее, чтобы унести в подсобку, строго взглянул на секретаря.

– Да не стойте же, Петушок. Всё уже закончилось, и вы целы. Лучше уберите следы вашего падения, а то завтра моему заместителю будет непонятно, чем это мы тут с вами занимались!

– Андрей Игоревич…

– Нет, я вас не отпускаю!

– Но уже семь часов!

– Завтра меня не будет, вот и возьмете выходной!

– Спасибо. А можно…

– Что? Еще раз плечи подставить?

– …й-я пылесос включу?

– Да делайте уже, что хотите!

Петушок и делала – все последующие дни. Ровным счетом всё для того, чтобы сбить меня с мыслей о теневых сделках с мелкими подрядчиками, большей частью фиктивными, которые я пытался выявить и отследить.

Как же хитро они устроили схему кражи денег из «Сезама»! Сразу и не подкопаться, если не знать, где искать – по официальным бумагам всё чисто. Но стоит копнуть глубже, и сразу же возникают вопросы: что это за фирмы-однодневки? Кто отвечал за тендеры? И были ли они вообще?

Нет, такое мимо финансового директора пройти не могло. А ведь дед, видимо, до последнего доверял своей команде…

Так кто же стал тем первым червем, который это доверие подточил? Неужели Юрий Долманский? Сын школьного друга деда? Очень похоже на то. Он старше Валерки, гораздо умнее и, скорее всего, давно с ним знаком – еще до того, как я сам выпрыгнул из штанов, вырос и неожиданно для себя оказался здесь главным наследником корпорации.

Вполне возможно, что Долманский давно водит с Куприяновым дружбу. И если это так, то на фоне тех махинаций, которые я обнаружил, картина вырисовывается совсем не радужная, а глубоко опасная, где главную скрипку играет даже не жажда наживы, а многолетняя зависть, заставившая младшего компаньона Воронова-старшего в конце концов свернуть на кривую дорожку. Строительная компания «Сезам» очень лакомый кусок, Валерка для управления такой махиной мордой не вышел. Ему бы уже через год здешние акулы хребет перекусили и выбросили из дела, как хлам.

Ведь не мог же дед этого не понимать?

И тем не менее, старик долгое время ставил на него…

Не потому ли, что хотел заставить всех в это поверить и дать акулам высунуть пасти из воды? Чтобы точечно перебить по одной, в то время как сам отписал все активы на мое имя?

М-да. Хороший же ты, дед Матвей, мне уготовил подарочек – сделал охотником. Да и не только мне – я здесь для многих стал неприятным сюрпризом. Таким неожиданным, что они даже на убийство решились.

Хотя, надо признать, умно с их стороны – одним выстрелом убрать сразу двух зайцев и добраться до акций «Сезама».

Это же каким Валерке надо быть идиотом, чтобы не понять, какая роль ему будет уготована после моей ликвидации? Неужели он еще глупее, чем кажется, и правда считает, что, сев в кресло генерального, сможет выкрутиться вместе со своей сообщницей? Неужели не понимает, что их не пожалеют?

Конечно, есть подозрение, что Нелли Пригожева работает не только на Куприянова, но и на главного теневика в управлении. И вот это я собирался выяснить, как можно скорее. Желательно еще до того момента, как они решаться совершить свое черное дело.

После рассказа Петушок дольше скрывать расследование было нельзя и, предупредив нужных людей, я сам пошел на сближение с Пригожевой, собираясь подыграть ей и подпустить к себе поближе. А если надо, то и прижать за горло к стене.

И подпустил бы, если бы не мой секретарь, упрямо не желавшая успокаиваться и «не верить своим глазам и ушам», как бы грозно я на этом не настаивал. Зорко озирающаяся по сторонам и рисковавшая из-за своего упрямства угодить в беду – вот только этого не хватало!

И если бы не я сам, большую часть дня намотавшись по строительным площадкам, а после засидевшись за работой, забыл о том, что сегодня утром встретил Пригожеву в лифте (какое совпадение!) и назначил ей позднюю встречу у себя в кабинете. Пообещав пышногрудой красотке чашку кофе и жаркий разговор тет-а-тет.

Черт! Как же не вовремя она нарисовалась! Словно специально подгадала момент, когда я, растеряв терпение, уже был близок к тому, чтобы доказать Петушок, как она ошибается.

Айсберг, значит? Сосулька?!.. Окоченеть со мной собралась? Да что она обо мне знает! Я не виноват, что без нее, как без рук! Пусть учится читать мои мысли, если хочет со мной работать, и даже не мечтает об увольнении!

Но я тоже хорош, дурак! Это же надо было так уйти в работу и перепалки с самым упертым в мире секретарем, что брюнетка напрочь вылетела из головы! Теперь только и остается, что прятать Петушок под стол и надеяться на ее сообразительность. На то, что она просидит там молча хоть пару минут, пока я

не сориентируюсь по ситуации и не решу, как быть дальше с Пригожевой.

Последнее время Петушок ведет себя достаточно подозрительно, бегая за мной по всему зданию компании, чтобы у заинтересованных лиц не возникло вопроса «почему»? Так что лучше ей сейчас лишний раз не мелькать между нами.

– Андрей Игоревич! Что… что вы делаете?! Вы с ума сошли!

– Лезьте, кому сказал! И собирайте бумаги. Молча!

Я сунул Петушок под стол так решительно, что она и пискнуть не успела. Развернув кресло, положил руку девушке на шею и прижал виском к своему бедру, приказывая этим жестом сидеть тихо и не высовываться. После чего распрямил плечи и поднял невозмутимый взгляд на припозднившуюся гостью, которую, когда она вошла в мой кабинет, ничего не смутило – ни приглушенный свет настольной лампы, ни встретившая ее напряженная тишина.

Решив с порога, что мы одни, Пригожева сбросила с плеч шубку, положила ее на ближайший стул и, не теряя времени, изобразила роковую соблазнительницу. Притворив за собой дверь, томно улыбнулась и, покачивая бедрами, медленно направилась в мою сторону, стуча каблуками сначала по паркету, а потом и сминая ворс дорогого ковра.

Как кошка, широкой дугой обошла стол совещаний, приблизилась и оперлась ладонью о кресло, – все это время не спуская с меня глаз и позволяя хорошенько себя рассмотреть.

М-да, неплохо. Немного плечи островаты и взгляд продажен, но с формами у Валеркиной любовницы дела обстояли куда лучше, чем с профессиональными навыками аналитика – это я признал объективно. Как и со смелой решимостью сегодня получить свое. Не скажу, что меня эта решимость удивила или тронула – брюнетка давно и настойчиво искала встреч со мной, но посмотреть тут было на что.

Как удобно, и это тебе не Петушок. С такими женщинами можно сэкономить кучу времени и избежать предисловий, без слов перейдя сразу к делу. Предлагая себя конкретному мужчине, они никогда не ошибаются, просчитывая всё заранее. Вот и в лице Пригожевой под слоем умелого макияжа я не увидел и

тени сомнения. Она уже всё просчитала, выгодно предложила и теперь собиралась заполучить меня. И если не целиком, то уж точно оторвать кусок побольше.

Я сидел в кабинете один – а значит, ждал ее. Она пришла, так зачем же тянуть время?

Всё прозрачно и ясно, не считая того, что я не собирался быть уловом, как бы умело на меня не велась охота.

– Ну, добрый вечер, Андрей Игоревич, – сладко промурлыкала брюнетка, останавливаясь и принимая передо мной соблазнительную позу. – Или разрешишь просто… Андрей? Вот я и пришла, как обещала.

Я все еще злился на свою секретаршу, поэтому жестко сжал рот и напряг желваки, каждую секунду ожидая, что Петушок взбрыкнет под столом и выдаст себя. Но Рыжая вдруг затихла и затаилась, а я смог расцепить губы. Правда, только после того, как заставил брюнетку несколько секунд выдержать в тишине мой прямой взгляд, в конце концов поколебавший ее уверенность.

То, что нужно. Пусть я и вступал в игру вторым, но не собирался играть по ее правилам.

– Вижу, – наконец приподнял угол рта, скорее усмехаясь, чем улыбаясь гостье. – Конечно, Нелли. Такой красивой женщине, как ты, можно все! – сказал и в подтверждение своих слов окинул вошедшую заинтересованным, цепким взглядом.

Она не затянула с ответом. Облегченно хохотнув, подошла ближе и присела бедром на край стола, приоткрыв в высоком разрезе юбки кружево тонких чулок. Провела невзначай рукой по оголившемуся колену.

Не удивлюсь, если под юбкой у этой красотки и вовсе нет белья.

– Ты не представляешь, Андрей, как приятно услышать такой комплимент от красивого и достойного мужчины, который волнует сердце и не дает спать по ночам. Но ты ведь и сам всё знаешь, правда?

– Что именно?

– То, что я к тебе неравнодушна, и уже давно.

Пригожева склонила голову к плечу и провела ладонью по голой шее, не спуская с меня пристальных глаз в ожидании ответа. Скользнула пальцами под блузу, приоткрывая ключицу и зорко отслеживая мое внимание.

Я постарался, чтобы кадык дернулся очень натурально.

– Догадался, – признал очевидное. – Твое внимание, Нелли, трудно не заметить и не оценить по достоинству. Но работа отнимает всё мое время, ты же понимаешь… А я очень не сдержан, когда чего-либо хочу. Особенно… – выдержав паузу, со значением подался навстречу брюнетке, – если хочу женщину! Поэтому мне постоянно приходится себя контролировать. Вот как сейчас, когда объект моего желания находится так близко, что я едва держу себя в руках!

Я и не сомневался, что сообщница Куприянова примет сказанное на свой счет. Она и приняла. Отреагировала соответственно ситуации – задышала откровенно, заулыбалась довольно, наклоняясь ко мне грудью. Понимая, что настал ее час.

– Ах, Андрей, ты не представляешь, как я этого хочу! Нашей близости! Поверь, не меньше тебя! Никогда не поверю, что ты живешь одной работой. А как же приятные моменты, дорогой? Пикантные и откровенные? Ведь ты наверняка устал.

– Верно. Но звучит интригующе. Продолжай…

– Жизнь так скучна без них, а я тоже устала исполнять ваши распоряжения, господин директор! – продолжила соблазнительница. – Я собираюсь исполнить ваши желания! А если ты захочешь, – понизила Пригожева тон до шепота, добавив в голос придыхание, – то и фантазии! Но только не здесь, – она смело коснулась меня ладонью, тяжело дыша. – Твой кабинет шикарен, но есть места намного комфортнее, чтобы провести вместе время. Что скажешь, Андрей? О-у, – приятно поразилась вдруг, ощупывая мою грудь и широко распахнув глаза, – какие у тебя твердые мышцы, дорогой шеф! Уверена, они такие же упругие, как и все остальное!

Наши лица разделяло уже каких-то сорок сантиметров, и я предупредил красотку, отцепив от своего галстука цепкие пальцы:

– Ох, осторожно, Нелли… Я могу оказаться не по твоим острым зубкам.

– Еще ни один мужчина не сводил меня с ума так, как ты, Андрей! Я буду для тебя щедрым подарком, вот увидишь! Я уже жутко его хочу!

Хм-м. Пришлось поднять бровь, чтобы уточнить, кого «его»?

– Твой кофе – горячий и крепкий! – потянувшись к своей блузе, Пригожева решительно расстегнула верхние пуговицы, обнажая грудь в черном кружевном белье. Наклонившись ниже, облизала губы – на зубах мелькнула помада. – Что-то у меня горло пересохло от жажды. Я бы не отказалась почувствовать его вкус прямо сейчас! На этом столе! Я ведь тебе нравлюсь, Андрей, ну, скажи…

Как я ее понимал. У меня тоже пересохло горло. Да так, что и не выдохнуть, но только не от вида почти разомлевшей передо мной Валеркиной подстилки, а от того, что вытворяла со мной под столом Петушок. Точнее, наши с ней пальцы. Мои, зарывшиеся в ее волосы – они у Рыжей оказались мягкие, а затылок нежным и горячим; не удержавшись, я гладил его, кажется, испортив ей прическу. И ее – словно прожегшие ткань брюк в том месте, где она крепко сжала мое бедро.

Прислушиваясь к разговору, Петушок поднялась щекой по моей ноге вверх, вцепилась одной рукой в колено, другой высоко в бедро и, клянусь, сейчас мучительно изводила меня близостью своих губ и жаром тела. Заставляя все мысли лететь к черту и хотеть только одного…

Моя упрямая секретарша прямо сейчас испытывала мое терпение и сводила с ума! Я сам оказался не готов к такой реакции, но, если бы в данный момент передо мной на столе не сидела Пригожева… То не поручусь за то, что на ее месте не очутилась бы белокожая и нежная ведьма, с раскосым взглядом зелено-карих глаз и рыжими волосами. И вот тогда я бы медлить не стал!

Они ведь у нее длинные и тяжелые – волосы. И до самой талии?

К черту деда с его загадками, я должен это узнать!

И все-таки две женщины в опасной близости от заведенного мужчины, который долгое время был один, это слишком! Глядя на то, как обнажается брюнетка, подбираясь к моим губам, я ослабил узел галстук и дернул ворот рубашки, намереваясь глотнуть достаточно воздуха, чтобы унять жар во всех ненужным местах и взять ситуацию под контроль. Мне вдруг резко расхотелось играть с Пригожевой в мое соблазнение, а захотелось, чтобы она убралась. Немедленно.

Глядя в ее черные глаза, мне стало совершенно понятно, кто здесь третий лишний.

– Так я тебе нравлюсь, Андрей? Ты так и не ответил. Ты хочешь меня?

Пальцы Петушок под столом, вслед за приторно-сладким вопросом, тут же скользнули выше, а голова повернулась, поднимая ухо. В то время, как ладонь брюнетки легла на мою шею, моя секретарша придвинулась ближе.

– Видишь ли, Нелли… – я почти прошипел. – Я бы с радостью, но тут такое дело…

– Какое, милый? Не вижу никаких препятствий!

– И тем не менее, они есть, уж поверь.

– Да?

– Ты опоздала, малыш. Кое-кто уже успел мне понравиться до тебя. Кое-кто настолько ловкий, что смог подобраться сейчас ко мне гораздо ближе, чем ты…

– Ближе, чем я? Но это невозможно!

Не знаю, какую пыль под столом поймала Петушок, но в тот момент, когда я уже снял с себя руку растерянной Пригожевой и собрался выставить ее вон, она вдруг то ли чихнула, а то ли чертыхнулась под столом.

Глава 4

Даша

– Что это? Кто это?

– Где?

– У тебя под столом. Там кто-то есть!

Я так и обмерла, зажав ладонью рот, услышав испуганный писк Людоедочки и неясную возню над собой.

Кажется, я только что чихнула, но произошло это так неожиданно – в самой активной стадии подслушивания процесса совращения шефа, что и понять ничего не успела, как уже все произошло.

Вот гадство-то! А всё волосы виноваты, будь они неладны! И тот, кто мне их растрепал!

– Андрей, кто там? Я ясно слышала чей-то чих… Что происходит? – забеспокоилась брюнетка. – Мы не одни?!

Вот если Воронов меня сейчас сдаст, никогда ему этого не прощу и уволюсь!

– Я ничего не слышал. Тебе показалось, Нелли.

Фу-ух, не сдал.

– Но, Андрей!

– Какая разница! Я же сказал, что ты опоздала. Нет там для тебя ничего интересного!

Что? О, нет! Только не это! Разве Воронов не знает, что, если хочешь успокоить подозрение у женщины, ее вопрос нельзя оставлять без ответа! Тем более вопрос неудовлетворенной женщины! Это же ищейка Куприянова! Она теперь непременно захочет узнать!

Я дернулась назад, потом вперед, в панике обдумывая, как быть. Мой шеф, который хам и узурпатор, продолжал держать меня у ноги, но вот пальцы вдруг сместил с щеки на мои губы, словно испугался, что я выдам себя.

Поздно, шеф! Усё пропало! Фиг Петушка от лисы спрячешь! Не за тем Людоедочка сюда пришла, чтобы ее за нос водили. Она же меня сейчас обнаружит, а я, по самоуверенной милости гоблина, засунувшего меня под стол, буду сидеть под ним, как трусливый заяц, или пойманный на горячем воришка!

Только этого не хватало. Из-за своеволия начальника перед какой-то Пригожевой последнюю гордость растерять!

– Ах, вот оно что… Да это же Петушок!

Ну вот, я же говорила. Обнаружила! А я так невежливо к ней задом. Даже не поздороваться нормально.

Я попятилась попой назад, но Воронов не отпускал, и пришлось его цапнуть за палец. Очень сердито цапнуть. Детский сад какой-то!

Я выбралась из-под стола, и поднялась, сердитым взглядом испепеляя шефа на месте. Всё он виноват, гад! Как будто я не догадалась, какую он тут игру затеял. Издевается! Не поверил, что я ему правду рассказала.

– И ничего не «оно», а я! – подняла голову и хмуро взглянула на сползающую со стола Пригожеву.

Увидев, в каком брюнетка виде, округлила глаза, изумленно рассматривая на помощнице Куприянова расстегнутую блузу.

Ого! Вот это решительность!

Это же какую же нужно иметь практику соблазнения, чтобы так легко и быстро обнажиться в кабинете самого генерального? Еще каких-нибудь пять минут, и если бы не я… то есть не мой чих, еще неизвестно, кто из нас двоих подобрался бы к Воронову ближе!

Но, стоп. О чём это он сказал в конце разговора? Что это за намеки вообще про понравиться? С чего бы вдруг?

А может, Воронов и не меня имел в виду? То есть меня, но не по-настоящему? (По-настоящему-то он меня терпеть не может, это факт!) Может, он так намекнул Пригожевой, что она пришла не вовремя?

Я ведь почувствовала, как она на него подействовала – у внука Матвея Ивановича едва слюнки не текли, так разволновался бедный от доступной красоты Людоедочки. Всю прическу мне истрепал, зараза, сдерживаясь из последних сил! Не было бы меня, выхлебали бы они свой «кофе» на пару будь здоров, прямо на столе угощая друг друга, и плевать на корпоративную этику!

Или… или он все-таки мне поверил? Моим словам, что Пригожева с Куприяновым замышляют против него страшное преступление? Раз уж сразу не попросил оставить их с брюнеткой одних, хотя и чувствовал досаду?

Ничего не понимаю.

Пригожева тем временем, расстроившись, уже принялась застегивать на себе блузку и одернула юбку. Мне тоже не мешало одернуть свою, что я и сделала, гордо поджав губы. Волосы поправлять не стала – бесполезно. Аккуратный еще недавно «пучок» теперь висел на боку с растрепанными прядями. Слишком густыми, чтобы я смогла с ними за секунду справиться.

– Вижу, что ты, – буркнула Людоедочка, бодаясь со мной взглядами. Мы обе поправляли блузки. – Как же это я так промахнулась? – съехидничала. – Могла бы и догадаться!

– Да, это мой секретарь, – зачем-то поддакнул Воронов, но очень невозмутимо. Как будто для секретаря сидеть под столом, это нормально. – О чем, Нелли? – выразительно поднял темную бровь.

Ну и вопросы. Не хватало еще этой гадкой Пригожевой свою версию озвучить, а мне услышать!

– Я тут документы под столом собирала, – поспешила сообщить значительно. – Андрей Игоревич рассыпал стопку. Очень важные!

– Документы? – обсмотрев меня, хмыкнула Нелечка. – Ну да, как же. И где же они? – не поверив, посмотрела на мои губы так, будто это не она собиралась, а я только что делала ими что-то неприличное.

Нет, ну это уже слишком! Но руки-то у меня и правда пустые, пришлось выкручиваться. А шеф пусть думает, что хочет!

И чего это Пригожева мне «тыкает»?! Пусть скажет спасибо, что я в полицию не пошла на нее жаловаться – Воронов запретил. А зря! Не пришлось бы теперь тут краснеть перед всякими.

– А документы я не успела собрать. Так на полу и остались. Как твой овечий голосок услышала «хочу-не могу», и про мышцы упругие, так и забыла, зачем под стол полезла. Ты случайно кабинеты не перепутала, Пригожева? Такое впечатление, – покрутила пальцами в воздухе, – что ты, то ли шефом, а то ли моментом ошиблась!

Ого, как я грозно! Сама от себя не ожидала. Еще и о связи с Куприяновым в лоб намекнула.

Но нападать точно лучше, чем защищаться, а у меня, благодаря глупой выходке Воронова, и так позиция не выигрышная. Вон как щеки горят, самой жарко от мысли, как все выглядело со стороны. А Пригожева еще та сплетница, чтобы не разнести свои догадки по корпорации, как вирус. Попробуй потом от слухов отмыться! Хватит с меня и прежних, чтобы обрастать новыми!

– На что это ты намекаешь? – сразу же тонко сощурила глазки черноглазая ехидна, и подобралась для словесной атаки. Впилась ноготками в полированную столешницу. – Что я и Валерий Александрович… что мы… Да как ты смеешь, выскочка!

Теперь главное держать лицо. Я ее предупредила!

Но на всякий случай гордо подбоченилась, не собираясь уступать красотке и миллиметра уверенности – ноготки у меня тоже имеются, а вот выхода нет. Бросила свысока:

– Понятия не имею, о чем ты.

– Врешь, Петушок!

– Дни приема сотрудников по рабочим вопросам – вторник и четверг, с десяти до двенадцати, а сегодня среда, – отчеканила профессионально. – Я вам об этом третий день повторяю, Пригожева. Можете записаться у меня в приемной, но не обещаю, что в ближайшие недели смогу внести вас в расписание. Андрей Игоревич очень занят! И если вы этого не видите, то я вам, как его секретарь, говорю!

Но соперница у меня была не так проста и тоже уступать не собиралась.

– И почему мне кажется, что ты, как секретарь, слишком много на себя берешь, Петушок? А как насчет личных вопросов? Ты об этом не подумала?

– Вам кажется, товарищ аналитик. А личные вопросы господина Воронова ни вас, ни меня не касаются! Тем более в рабочее время!

– Ну, конечно! – фыркнула Нелечка. – Вижу я, как они тебя не касаются! Бедняжка, так старалась угодить шефу и собрать документы, что даже взопрела вся! Вот и сидела бы себе и дальше тихо под столом, где тебе самое место!

– Что-о?!

– А что слышала! Сначала деда окрутила, а теперь и во внука вцепилась клещами, да? Боишься свое упустить? Думаешь, никто не знает в компании, кто ты есть? Содержанка и вертихвостка!

– Нелли, я попросил бы! Держи свое мнение при себе! – попытался было вмешаться Воронов, но когда двух девочек заносит на поворотах, сильному полу

лучше исчезнуть с пути и не отсвечивать.

– Да что ты себе позволяешь?! – я ахнула и натурально оскорбилась за свою честь. Так открыто мне незаслуженное обвинение бросали впервые. – На себя посмотри – выдра бесстыжая!

– Если и позволяю, то с одобрения Андрея, заметь! – окрысилась Людоедочка. – А наши с ним дела тебя не касаются! Ты здесь всего лишь обслуживающий персонал, так что исчезни! Свободна, девочка!

– Эй! Кто из нас еще обслуживающий! Это ты своей юбкой здесь столы вытирала! И это тебе прямым текстом сказали, что ты опоздала! Кофе она захотела. Фиг тебе, а не кофе, поняла?! – и кукиш брюнетке показала.

– Шельма рыжая!

– Зато не крашеная, как некоторые! И не надутая!

– Нелли, Дарья, вы с ума сошли?! А ну, немедленно прекратите!

Ага, щазз! Меня в детстве столько раз дразнили из-за цвета волос, что опыт словесного пин-понга выработался ого-го! Да я только начала! Можно сказать, варежку открыла…

Ишь ты, указывать она мне вздумала!

Но Пригожева не была бы лисой, если бы вовремя не смекнула, в чью сторону повернуть негодующее личико, чтобы всерьез не получить по носу.

– Андрей, и ты это терпишь?! – взвизгнула обиженно. – Твоя секретарша только что меня оскорбила! Посмотри на нее, она с ума сходит от ревности и хочет манипулировать тобой! Ей нельзя доверять! Не удивлюсь, если она в сговоре с твоим братом! Думаешь, почему она лезет к тебе под стол и ублажает… Лицемерка!

Что?!

Я вскипела от такой лжи и обвинения. От того, какой невинной выглядела Пригожева перед мужчиной, хлопая ресницами.

Я никогда не лицемерила и всегда была предана «Сезаму». Я не заслужила… Да как она смеет такое говорить!

Если бы не Воронов, я бы ее достала, клянусь! И тогда бы уже никто не смог сказать, что помощница исполнительного директора – брюнетка. Оставила бы язву без волос!

– Ах, ты… Обманщица! Да ты же сама спелась с Куприяновым… Я всё знаю! Знаю, что вы заду…

– Молчать, Петухова! Вон из кабинета!

– Но, Андрей Игоревич, она ведь…

– Быстро в приемную! Марш отсюда! Нелли, сядь!

– Правильно, Андрей! Давно пора выставить эту нахалку вон!

Но я бы не ушла – ни за что! Боевой Петушок уже вскинул гребень и приготовился сражаться до победы. Если бы злющий Гоблин не схватил меня запросто в охапку, как куль с мукой, и не вынес под мышкой в приемную – не обращая внимание на сопротивление.

Поставив на пол, захлопнул за нами дверь в кабинет (оставив в нем Людоедочку одну), и развернул к себе лицом.

– Вы с ума сошли! – прошипел грозно в лоб, понизив голос до шепота, сверкая льдистыми глазищами. – Еще секунда, и всё выболтали бы!

– Ну и пусть! Пусть знает, что ее раскусили! Я не понимаю, Андрей Игоревич, почему вы молчите? Почему мне не верите?!

– Вопрос не в вере, а в том, что вы меня не слышите! Я же сказал, что сам со всем разберусь! Идите домой, Петухова, пока дел не наворотили! Выбросьте всю

чушь из головы и спите спокойно! Я мужчина, а не сосунок, мне не нужна ваша опека. И лучше исчезните с горизонта в ближайшие пять минут, иначе…

– Что иначе? – глаза защипали слёзы обиды, а к горлу подступил ком. Ненавижу несправедливость!

– Иначе будете сидеть у меня под столом всю ночь!

Я стояла, смотрела на своего шефа, а губы дрожали…

– Ну, что еще, Дарья?

– Почему вы ей не сказали? Пригожевой.

– Что я должен был ей сказать?

– Что между нами ничего не было, конечно же!

Глаза на меня смотрели пристальные и сердитые.

– Петухова, я смотрю, вы от скромности не умрете. А почему я должен ей что-то говорить?

– Но ведь она подумала, что мы… что вы и я… что у нас с вами…

– Как интересно. Продолжайте, внимательно слушаю.

Но я замялась. Одно дело подумать – в мыслях всегда всё кажется ясным, как на ладони. И другое дело – произнести вслух то, что понятно без слов.

А Воронов словно моей заминки и ждал. Поторопил нетерпеливо:

– Ну же, озвучьте свою фантазию, потому что мне на ум ничего не приходит. Кроме того, что вы там собирали бумаги. Ведь это и раньше входило в ваши обязанности, при моем деде? Следить за документами?

Если я и была красная от всего произошедшего, то сейчас побледнела.

Мне внезапно захотелось врезать Воронову пощечину. Крепкую, такую, чтобы в ухе зазвенело. Чтобы смог почувствовать тот же обжигающий стыд от его слов, что и я.

Всё он прекрасно понимает, только ему всё равно. Плевать на меня.

Видимо, он это понял, потому что взглянул на мой поднявшийся в гневе бюст, на руку… Дернул желваками, развернул широкие плечи в сторону кабинета и бросил холодно поверх плеча:

– Идите домой, Петухова. Вы свободны.

– Я – Петушок!

Он вдруг повернулся и разозлился.

– Если вы – Петушок, то я – Курочка! – рыкнул раздраженно. – Идите уже, кому сказано! И без вас дел до черта!

Вошел в кабинет и дверью хлоп! Только стекла в шкафах задрожали. А я осталась стоять, больше не в силах сдерживать слезы.

Они и побежали по щекам – горькие и колючие, только успевай смаргивать, когда дверь в кабинет вновь открылась и Воронов вернулся. Достал из внутреннего кармана носовой платок – такой же идеально-крахмальный, как он сам, и сунул в руку.

– Еще и плакса! Вот, возьмите, завтра поговорим. А лучше спускайтесь и ждите меня на парковке. Знаете мою машину? Черный внедорожник. Я вас домой отвезу.

Снова хлопнул дверью и ушел!

Гад, хам и… бесчувственная сволочь!

Айсберг и ледышка!

А Матвей Иванович им так гордился! Говорил, что младший внук весь в него пошел. Что хороший человек.

Гоблин он хороший, а не человек! Дел у него до черта. А у меня их что, разве мало? Снова ведь в час ночи спать лягу, пока дома все дела переделаю. Или он думает, будто весь свет на нём одном сошелся?

Я с чувством высморкалась в платок.

Нет, решено – увольняюсь! Да пошло оно все к лешему! И «Сезам», и слухи, и заговоры вместе с наследниками! Что я себе, другую работу не найду, что ли? Конечно, найду! Да хоть в агентстве недвижимости.

Подумаешь, укокошат Воронова. Так он, грубиян, сам виноват. Ну достанется «Сезам» Куприянову с Людоедочкой – убийцам-подельникам. Я-то тут причем? Меня всё равно никто не слушал.

Точно! Вот сейчас соберу все свои вещи и уйду! Где-то тут лежал старый кожаный портфель Матвея Ивановича… ага, вот! Главное, графин не забыть – подарок старого шефа. А завтра утром, как проснусь, так первым же делом заявление Гоблину и отправлю – с курьером. Пусть увольняет, лишь бы больше в глаза его морозные и упрямые не смотреть!

Уже когда пальто-пуховичок накинула, шапку надела, шарф повязала и на улицу спустилась – остановилась вдруг у торца офисного здания. Впереди через дорогу и полквартала вниз по улице меня ждала автобусная остановка (не решил же Воронов, что я и в самом деле с ним поеду? Еще чего!), а позади…

А позади лежало всё то лучшее, что произошло с моей семьей за последние три года.

Ладно, так и быть! Пусть Воронова завтра укокошивают, когда меня уже здесь не будет. А сегодня, пока я всё еще его секретарь, в последний раз покараулю пять минут за углом и дождусь, когда он уедет.

А вдруг ему моя помощь или свидетель понадобится?

Юркнув с освещенной аллейки в тень, я подошла к стене здания и выглянула за угол.

Глава 5

Вот за что моего шефа можно уважать (закрыв глаза на все его прочие недостатки), так это за светлую голову, строгую пунктуальность и ответственность. Слава богу, замерзнуть мне не грозило.

Нет, конечно, я понимала, что сейчас, когда приёмная опустела, и Воронов остался в кабинете с Нелечкой один на один, последняя непременно предпримет всё возможное, лишь бы его задержать и осчастливить-таки «щедрым подарком». Но надеялась, что шеф не забыл о своей просьбе подождать его у машины. Иначе я в нем окончательно разочаруюсь!

Прошло восемь минут, и сквозь парадную стеклянную дверь, открывающую обзор на освещенный холл «Сезама», я увидела, как Воронов с Пригожевой вышли из лифта и направились к выходу. Миновав «вертушку» охраны, толкнули дверь, оказавшись на улице.

Я замерла, нутром чувствуя огорчение Людоедочки. На ее лице всё еще сидела улыбка, но такая перекошенная и жалкая, что брюнетку было впору жалеть.

Шел снег, мела позёмка, и ей пришлось запахнуть на груди дорогую шубку. Она продолжала хихикать и касаться ладонью высокого мужчины, но по его напряженной фигуре и хмурому лицу стало ясно, что оставаться со своим аналитиком он не намерен ни минутой дольше.

А значит, Воронов мне поверил! Точно поверил! Ведь перед красотой Нелечки редкий мужчина устоит! А он, похоже, больше не собирался заводиться на «крепкий кофе».

У, гоблин! А сколько нервов потрепал! Чуть не поседела!

Парочка под локоток спустилась с крыльца и остановилась. Темно-серое кашемировое пальто отлично сидело на крепкой фигуре внука Матвея Ивановича и очень ему шло. Последнее обстоятельство, похоже, особенно волновало женщину, потому что она никак не могла от Воронова отцепиться. Продолжала гладить широкое плечо и мужчине пришлось самому снять с себя руку подчиненной. Отступив в сторону, коротко с ней попрощаться, повернуться и уйти.

Я и сама поежилась, глядя на то, как шеф поднимает воротник пальто, пряча шею от метущего в спину снега, широко шагая в сторону аллейки, ведущей на парковку. И на то, как молчаливо и пристально смотрит ему вслед Нелечка, разом изменившись в лице – словно что-то обдумывая.

В отличие от исполняющего обязанности генерального, чья машина оставалась на дальней парковке, она уже успела окончить работу и выкатить свою, и теперь ее приземистая красная «Вольво» стояла напротив центрального здания офиса, на обочине проезжей части. К ней брюнетка и направилась, раздраженно открыв сумочку.

Если бы я в тот момент высунулась из-за угла, она бы наверняка меня заметила, поэтому я осталась стоять в тени, перебрасывая портфель и сумку из одной руки в другую и притаптывая рыхлый снежок сапогами, решив дождаться, когда она уедет, и только потом проследить за Вороновым.

Но прежде чем сесть в машину, Пригожева успела достать телефон и сделать звонок – короткий и явно важный, потому что ответ заставил ее прямо-таки влететь в машину и громко хлопнуть дверью. После чего она завела мотор, зажгла фары… и вдруг дважды ими мигнула. А через секунду, еще раз повторила сигнал.

И, быть может, я бы не обратила на это внимания – мало ли, что ей в голову взбрело, если бы неожиданно подобным образом ей в ответ не мигнул незнакомый водитель, сидевший в одном из темных автомобилей, припаркованных дальше по улице – как раз в той стороне, куда направился гоблин…

Тьфу, то есть шеф! Но… О, Господи! Какая сейчас разница, когда это ОНО!

Замышляемое преступление!

Я прямо почувствовала, как натянулась струной и вскинулась на носочки.

А Воронов тем временем удалялся по аллее, и фары погасли. Так и не включив их, машина с незнакомцем тронулась с места, развернулась… и больше я не ждала.

У здания «Сезама» перед другими известными компаниями имелось одно большое преимущество. Внушительное и современное, оно стояло в центральной части города, глядя фасадом прямо на набережную. И один огромный недостаток – общая для многочисленных сотрудников парковка находилась за соседними зданиями, метрах в трехстах, за поворотом. И до нее приходилось идти пешком.

В последнее время власти города рьяно следили за тем, чтобы лицевая часть набережной была свободна для пешеходов и проезда машин, поэтому обычно Матвея Ивановича после работы у парадного ждал шофер, а вот его внук предпочитал себя обслуживать сам.

Поздний вечер, офисная зона и полупустая парковка. Воронов же просто не успеет дойти к машине! Да будь он хоть трижды мужчиной, а не сосунком – ему не справиться одному с целой бандой!

Эх, как жаль, что у меня нет его личного номера телефона! И как жаль, что полиции не под силу материализоваться на месте преступления по щелчку пальцев!

Не думая о том, что, возможно, мне показалось, я подхватила сумку и увесистый портфель (с графином, чашкой и личными вещами внутри, он ощутимо оттягивал руку), развернулась и помчалась вдоль стены к тыльной стороне здания, намереваясь обежать его и перехватить Воронова уже в самом конце аллеи, когда он свернет на боковую улочку.

Я очень торопилась, чтобы успеть. Под снегом дорогу прихватил лёд, и ноги всё время оскальзывались… Но всё равно просчиталась.

Когда наконец я выскочила на аллейку, как взмыленный черт из табакерки, то поняла, что широкий шаг Воронова уже успел привести его к парковке раньше меня.

Направляясь к представительному автомобилю, одиноко стоящему в стороне, молодой мужчина приостановился и оглянулся. Я вдруг ясно услышала свое имя. И в тот момент, когда уже собралась отозваться (да, я помню, что терпеть его не могу, и что он меня обидел, но ситуация-то внештатная! Потом всё вспомню!), из-за одной из высоких елок, высаженных в ряд у края парковки, к Воронову быстро метнулась коренастая тень.

Какой-то лохматый мужик в широком пальто, внезапно выскочив из-под сени деревьев, неслышно крадучись, догнал шефа и занес над ним руку… В свете боковых фонарей в пальцах блеснуло тонкое лезвие ножа…

Караул! Помогите! Да это же убийца! Вот прямо здесь и сейчас собирается укокошить Воронова!

А-а-а!

От изумления горло перехватил такой ужас, что голос враз исчез и крикнуть не вышло. И что самое интересное – остановиться тоже.

Отбросив сумку прочь, я схватила портфель обеими руками, занесла оружие возмездия над головой и побежала. Когда хочу, я могу быть очень резвой и стремительной. А подумать и потом можно!

Вот и сейчас помчалась с желанием оглушить бандита…

И у меня бы обязательно всё вышло, точно говорю. Фиг бы он от меня ушел, если бы не здоровенный черный кот.

Со вздыбленной шерстью, желтоглазый, он с громким визгом выскочил из-под елки и метнулся убийце под ноги. Тот споткнулся, охнул и, схватившись с котом, в одно мгновение повалился в сугроб.

«Куда же ты?!» – захотелось проорать ему вслед, но поздно – летящее возмездие остановить не вышло.

Со вскинутым над головой портфелем я налетела на троицу и… оглушила им шефа по голове. А если проще, то врезала Воронову графином по затылку.

Честнее слово, не специально! Я его спасти хотела! Но даже если бы меня кто-то попросил повторить этот маневр с забегом, я бы вряд ли второй раз смогла попасть точнее.

Ой, мамочки! Что же я наделала?!

Воронов пошатнулся, но устоял. Медленно оглянувшись, удивленно моргнул…

– Петушок, вы? – тихо выдохнул… закрыл голубые глаза… И рухнул, как подкошенный, прямёхонько носом в сугроб.

Ну вот, и приголубила шефа по макушке. Совсем как недавно мечтала.

Из ослабевших пальцев выскользнул портфель и упал под ноги. Кровь отлила от горящих волнением щек и застыла в венах. Сейчас от всего произошедшего я и сама была готова потерять сознание и рухнуть без чувств, если бы меня не отрезвил мужской голос, проворчавший сбоку с нетерпеливым укором:

– Ну и чего уставилась? Скорее переворачиваем, задохнется ведь!

– Ой, мамочки… Я что? Его убила?!

– Хм! Скорее всего!

– И что же теперь будет?

– Ответственность за совершенное преступление будет, вот что!

Лохматый мужичок наклонился к пострадавшему, обхватил его за плечи, и я помогла ему перевернуть Воронова на спину. Очнулась, заметив, как

внимательно тип стряхивает с лица и шеи шефа снег. Словно намереваясь подобраться к горлу…

– Стойте! – я вцепилась в руку незнакомца, поворачивая его к себе. – Это же вы убийца! Я всё видела! У вас был нож, и вы собирались его убить!

– Тише, гражданочка! Не вопите! – не испугался тот обвинений. – Кого убить?

– Андрея Игоревича, конечно! Не прикидывайтесь!

– Воронова? – удивился мужичок неопределенного возраста и недовольно хмыкнул. – А зачем бы мне это понадобилось? И говорите тише, – буркнул сердито, – я же попросил!

– А-га! Видите! Вам даже известна фамилия жертвы! И не подумаю молчать! Потому что вы – убийца! А почему – это вам лучше знать!

Мужичок совершенно точно знал о многом, но возмутиться и не подумал. Вместо этого натянул на голову форменную фуражку (и откуда только взял?), сунул руку во внутреннюю часть пальто и неожиданно раскрыл перед моим лицом документ. Очень важный, судя по тому, с каким серьезным выражением сунул его мне под нос, и той ловкости пальцев, с которой спрятал удостоверение обратно в карман.

– Сержант Лешенко! Тринадцатое отделение полиции, Лесной округ! Да будет вам известно, гражданка Петушок, что мы с моим напарником находимся здесь на ответственном задании! Нам поручено вести расследование – секретное! – по личной инициативе вашего шефа. И я намерен не совершить преступление, а его предотвратить! Так что вы, Дарья, на мой счет сильно ошибаетесь. Еще и кричите, грозя выдать нас всех с головой!

– Я? – выдохнула потрясенно. – А вы и меня знаете?

– Конечно! – невозмутимо кивнул Лешенко. – Ознакомлен с вашим личным делом по долгу службы!

– То есть… вы не собирались его убивать? Совсем? – я окончательно растерялась. – А как же нож в вашей руке? Я ведь видела!

Фонари, расположенные по углам парковки, заметало снегом и освещение в тени высоких ёлок оставляло желать лучшего. Трудно было сказать, сколько Лешенко лет, но вот глаза у сержанта неожиданно оказались хорошие. В такие смотришь и сразу понимаешь: этому человеку можно доверять.

– Это была рация, гражданочка. Я уже давно веду наблюдение за зданием «Сезама» и связываюсь по ней с начальством. Сегодня вот обнаружил, что на охоту за вашим шефом вышел киллер…

– Да вы что?! – ахнула.

– Увы! – подтвердил тот. – К сожалению, недруги решились на крайние меры! Вот и хотел его предупредить! А тут вы откуда ни возьмись налетели со своим портфелем! У вас случайно фурий в роду не было? С мётлами? Я бы не удивился. И что теперь делать прикажете?

Что делать я не знала, и в панике обернулась к шефу. Сняв перчатки и сунув их в карман, принялась тормошить Воронова за грудь. Похлопала несильно ладонями по щекам.

– Андрей Игоревич! Миленький, очнитесь! Я не хотела, слышите? Не хотела вам навредить! Ну, пожалуйста, откройте глаза! Мне нельзя в тюрьму, у меня дети! Трое, понимаете? Рита, Стёпка и Сонечка! Андрей Игоревич…

Воронов лежал белый и бледный, как падающий на него снег, темноволосый и поразительно красивый в этот застывший момент. И совершенно не подавал признаков жизни. Ни-ка-ких!

Я охнула и схватилась ладонью за сердце.

– Ох, товарищ сержант, кажется, я его убила! Беда-то какая!

– Погодите отчаиваться! – сержант склонился и тоже похлопал Воронова по щеке. Приложив ухо к груди последнего, прислушался к сердцебиению.

– А может, ему искусственное дыхание сделать? – неожиданно предложил, зажав тому нос и отпустив. Посмотрел на меня с надеждой. – Вдруг поможет?

– А почему я-то?

Я повернула голову к представителю закона, но тот уже отодвинулся и деловито поправив кепку.

– Потому что! – ответил авторитетно. – Он ваш шеф, или мой, Петушок?.. И потом, это вы его обездвижили, вам и спасать!

Ну, хорошо. Я. Так и быть.

Страшно до жути, но делать-то нечего. Сержант прав: сама наворотила дел, сама и виновата. Надо просто не думать, что это похоже на поцелуй, которого у меня не было вечность, и всё получится!

Я вдохнула морозный воздух, наклонилась и припала губами к прохладному рту Воронова.

– Нос зажмите! – скомандовал Лешенко, беря руководство процессом в свои руки.

Я послушно зажала гоблину ноздри и подышала.

– Отпустите!

Отпустила.

– Оторвитесь от него и попробуйте еще раз!

Я отстранилась, набрала в легкие воздух, и припала снова, но уже смелее.

– Крепче дышите!

Это как?

– Му-гу, – промычала в ответ.

– Эй, Петушок! Чем вы там занимаетесь? Я не просил его целовать! Вы забыли ему ноздри зажать!

Они дрогнули. Под моими губами губы Воронова вдруг дрогнули и потеплели. Отстранившись, я почувствовала на себе его дыхание и смахнула с глаз слезы. Вот теперь уже от радости поцеловала шефа в щеку.

– Он живой… Живой! Ура, товарищ сержант! – не думая о том, что делаю, бросилась Лешенко на шею. – Я его не убила! Видите, он живой!

Отпустив сержанта, вновь вернулась к Воронову.

– Нам срочно нужна скорая помощь! Андрей Игоревич, вы меня слышите? – спросила с надеждой, но он явно не слышал. – Его надо отвезти в больницу, и немедленно! А…

В этот момент где-то позади парковки на улице раздался уже знакомый кошачий визг, звук экстренного торможения, глухой удар столкнувшихся автомобилей, и сразу же за ним шелест битого стекла и громкий сигнал клаксона.

– Что это? – я испуганно обернулась на шум, вдруг вспомнив о Людоедочке и о таинственном водителе в темной машине, который отправился вслед за Вороновым. – Это они? – внезапно догадалась.

– Да, – негромко бросил Лешенко, тоже оглянувшись. – И сейчас мой напарник проводит операцию по выявлению и дезориентации преступников! Помогите же мне, Петушок, нам надо спешить, если не хотим, чтобы они его нашли!

– Ага!

Я не успела заметить, когда сержант достал пульт от машины у моего начальника, но черный внедорожник вдруг мигнул фарами, и задняя дверь широко распахнулась, словно приглашая нас к себе – вот это техника! Невысокий и кряжистый Лешенко, взвалив с моей помощью Воронова на плечо, оттащил его к автомобилю и затолкал внутрь на заднее сидение. Запихнув ноги,

устало крякнул: «Уф, здоровяк!» и хлопнул дверью.

– Садитесь за руль! – скомандовал.

– Я? – не поверив тому, что услышала, изумилась из-за его плеча. – Да вы что, товарищ сержант, с ума сошли? Я не умею!

– Умеете! У вас права есть. А мне с вами ехать никак нельзя – служба!

– Да, есть. Но, подождите… – потопала следом за Лешенко. – Я сдавала вождение еще в выпускном классе школы! Нет, ездила, конечно, пару раз… Так с инструктором и сто лет назад! Я не могу! – уверенно покачала головой.

– Сможете!

– А если скорую помощь вызвать? Она ведь скорая? Звонок, фьють, туда-сюда… и он в больнице. А?

– Не успеем!.. И заберите с дороги вашу сумочку! Быстро! Осталась минута!

Я сбегала за сумочкой, подняла портфель, вернулась и, взяв себя в руки, полезла за руль.

– Всё будет хорошо! Не переживайте, гражданочка, – успокоил меня полицейский, – я прослежу!

Ха! Интересно, как? Но спрашивать не стала, руки тряслись так, что, вцепившись в руль мертвой хваткой, и сердца своего не слышала.

– Вот здесь зажигание, тут коробка-автомат, тормоз и газ. Деньги в бардачке. Когда сдадите его в больницу, ни в коем случае не называйте фамилию!

– Почему это?

– Так обнаружат беспомощного, и тогда кранты! – Лешенко округлил глаза и полоснул себя пальцем по горлу. – Говорю же, киллер идет по следу!

– А-а… ясно!

– Скажете, что он ваш муж! Шел с работы, поскользнулся, упал, потерял сознание. Вас рядом не было. Когда вы его нашли, документы пропали…

– Чего?! – это я возмутилась насчет мужа. Ну и насчет вранья немножко. Всё же стыдно мне было и очень совестно за случившееся.

– Того! Или вы хотите, чтобы победил Куприянов с Людоедочкой? – и глазом не моргнул мужичок. – Ну, тогда бросайте Андрея и идите домой. Спите спокойно…

– Нет!

– А тогда везите!

– А что я ему скажу, когда он придет в сознание? Когда всё вспомнит?

– Правду, конечно. Расскажете все, как есть. А теперь поезжайте, пора! Я с вами еще свяжусь!

Ну, я и поехала. Побуксовала чуть-чуть, наехала на бордюр, съехала… Хорошо, что парковка была свободная – кое-как развернулась на черном монстре и, ойкая от страха, помчала в ночь. Проезжая по дороге мимо разбитой машины Нелечки, пригнула голову и убрала «Вольво» с дороги мощным бампером.

А-а-а! Где тут тормоз? Вот это силища!

На капот вдруг прыгнул черный кот. Сверкнув желтым глазом, подмигнул мне (я едва руль удержала) и исчез.

Тьфу! Почудится же!

Пока везла Воронова в больницу, взопрев от напряжения и вспоминая дорожные знаки, подумала: а откуда Лешенко известно, как я называю про себя Пригожеву? Неужели сама проговорилась и не заметила?

И решила, что, должно быть, именно так.

Глава 6

– Ужас какой! Бедненький! Он, наверное, очень страдает! Девочки, а что, если он навсегда таким останется? Совсем без памяти?

– Так я и знала. Снова ты за свое, Лизка? Значит, Гоблина тебе жалко, а Дашку нет? И почему это он бедненький, вот скажи мне? Очень даже при средствах мужик, да еще и здоров, как конь. Слышала, что врач по телефону сказал? Температуры нет, ест за двоих, ругается за четверых и прекрасно себя чувствует!

– Ну, почему, жалко, конечно. Но только и ты представь, Томочка: человек проснулся и все забыл. Мир вокруг кажется таким незнакомым и чужим! Ты понимаешь, как это страшно? Не помнить даже, как тебя зовут.

– Но имя-то свое он не забыл! А я не забыла, как он нашу Дашку третировал. Как рабовладелец! Да она, как он в директорах появился, домой перестала возвращаться вовремя! Чуть ли не ночует в своей конторе! Это хорошо, что у нее есть мы на подхвате и Риточка, а так что было бы? Думаешь, этого Воронова интересует Дашкина личная жизнь и дети? Да стоило ей хоть раз не остаться после работы, вмиг бы ее уволил и забыл! Тьфу на него! Гоблин он и есть!

– Ты как хочешь, так и считай! А мне все равно его жалко!

– Ну и дура!

Я сидела на кухне в своей новой квартире, пила чай с лучшими подругами – Тамаркой и Лизой, и думала о том, как мне быть с навалившимся на плечи грузом проблем. А точнее, с одной проблемой, но очень серьезной и нерешаемой, по имени Андрей Воронов.

Прошло уже три дня с того вечера, когда я сработала едва ли не лучше киллера и оглушила своего босса портфелем на парковке, а после отвезла в больницу и

там оставила, и вот сегодня он вновь грозил вернуться в мою жизнь. Вот только на этот раз совершенно неожиданным образом!

Уже второй час я сидела за столом, обхватив виски руками, и не могла решиться даже на то, чтобы выйти из квартиры, не говоря уже о том, чтобы его увидеть. Ну почему, почему Лешенко думает, что у меня обязательно все получится? Это же, как украсть человека! Да, ради его спасения, но все равно незаконно!

Все эти дни я жутко переживала о случившемся. На работе пришлось сделать вид, что шеф срочно уехал, а вот куда – понятия не имею, не сообщил! Хорошо, что подписи фамильные и почерк подделывать научилась – написала записку от имени Воронова (мол, так и так, важная встреча, обязан быть, не беспокойте), оставила в кабинете на столе, и засела в приемной мышью.

Тряслась, как осиновый лист, когда первый заместитель ее читал! А когда и Куприянов мой фальсификат сощуренным взглядом сканировал – и вовсе покрылась холодным потом. Даже и не знаю, как удалось лицо удержать перед подлым заговорщиком. Только неприязнь к нему и спасла!

Но генеральный на то и главный босс в «Сезаме», чтобы при желании ни перед кем не отчитываться. И хотя этот номер с внезапной и «важной» встречей наверняка скоро вызовет в офисе кучу вопросов, мне едва удалось пережить эти три дня.

Лешенко появился на пороге моей квартиры следующим вечером после случившегося. Минуя кодовые замки и домофоны в жилом доме, просто позвонил в дверь, вызвал в коридор и сообщил, что Андрей Игоревич пришел в сознание и отлично себя чувствует.

Верите, я так обрадовалась, будто звезды в небе ярче засияли, что с облегчением выдохнула и прижала руки к груди: ну, слава богу. Счастье-то какое!

А сержант тут же огорошил следующей новостью: да, у шефа со здоровьем все в порядке, вот только он не помнит ничего. Совсем! Ни вас, ни меня, ни себя. И, конечно же, о киллере и подлом заговоре в «Сезаме» даже и не догадывается!

А вот это плохо!

«… И что же нам теперь делать, товарищ Лешенко?

– Как что? Спасать его, Дарья! Укрыть, пока к нему не вернется память. Доктор обнадежил, что это временно. Так что не переживайте, скоро все вспомнит голубчик!

– А как спасать?

– Очень просто. В больнице его оставлять нельзя – он с характером, сбежит. Уже сейчас заметно нервничает. А без памяти – пропадет! Он теперь по всем учетным записям ваш муж. Справка к выписке приложится, не беспокойтесь. Вот и забирайте его себе! Что здесь непонятного? В хозяйстве пригодится! Главное постарайтесь, чтобы он поверил в то, что теперь ваша вторая половина – это очень важно!

– К-как это приложится? Что значит «забирайте»? В каком хозяйстве, вы шутите?!

Но Лешенко отнюдь не шутил, и мне пришлось выкинуть из рукава «крапленые карты»:

– Во-первых, он меня терпеть не может! Во-вторых, я его тоже! А в-третьих… что я детям скажу?!

Стёпка и Сонечка уже наверняка топтались под дверью, прислушиваясь, что за гость к нам пришел, поэтому я захлопнула дверь плотнее.

– Вот насчет детей, гражданка Петушок, я бы на вашем месте переживать не стал, – с пониманием понизил голос Лешенко. – Дети, они, как правило, намного разумнее взрослых поступают. И справедливее! Да они вообще родителям первые помощники и лучшие агенты, поверьте моему опыту! Хотите я сам с вашими детьми поговорю? Объясню про цель конспирации?

– Нет! Лучше уж я сама!

– Ну и хорошо. Расскажите им все, как есть. Что помочь человеку надо, спрятать в семье. В вашем окружении Андрея точно никто искать не станет – не того он

полета птица. Не пересекаются ваши миры…

– Ну, спасибо, сержант.

– Так я же наоборот говорю, Дарья! Не чтобы обидеть! Не мешало бы Воронову перышки-то и пообщипать! Так что забирайте и перевоспитывайте! А мы с напарником дальше расследование продолжим. Постараемся обезвредить преступников! А телефончик мой все-таки запишите, на всякий случай. Но только на самый крайний! А то у меня служба, сами понимаете…

– Да. Понимаю… Стойте! – остановила я Лешенко, когда он уже повернул к лестнице. – Мы не подумали! У меня же нет никаких мужских вещей – совсем! Андрей Игоревич нас сразу раскусит! Знали бы вы, какой он внимательный… Педант до зубовного скрежета!

Сержант задумался и всерьез покусал губы. Почесал лоб под фуражкой.

– Хм… а вот это проблема, – согласился.

– Так я и говорю – еще какая!

– Ладно, мы сейчас с напарником попробуем к Андрею в гостиничный номер попасть… Инкогнито! – предупредил он мой вопрос. – Никто не узнает, не беспокойтесь! А вы идите и говорите с детьми! Я завтра буду!

Ну, я и пошла. И поговорила. Даже Сонечку в заговор вовлекла. Думала, дети удивятся и не поймут, а они, как только про злодеев и шпионов услышали, так и закивали головками все, как один: сделаем, мам, не переживай! Ни за что не признаемся! Никому! Честное-пречестное!

А на следующий день поздно ночью Лешенко вернулся и принес сумку вещей – весьма приличную. Поставил баул передо мной на пол и развел руками.

– Вот, все, что есть! Только самое необходимое. Уж извините, Дарья, костюмы брать не стал – не унести. Хватит с него и того, что был на нем. А машину я пока спрячу подальше от людских глаз. Ну, бывайте! Ни пуха вам, ни пера! – пожелал и ушел. Только сверкнул желтый глаз из-за угла, да черный хвост мелькнул

следом за сержантом на лестнице.

Или вновь показалось?»

На самом деле не так уж и важно, потому что сейчас я сидела на кухне с лучшими подругами и обдумывала, как быть дальше. И если и мог кто-то меня понять, то это они.

Своих девчонок я знала давно. С Тамаркой мы учились в одном классе и дружили сколько себя помню. И с мужем ее, когда-то старшеклассником Костей Мелешко, игравшим в школьной рок-группе на гитаре, была знакома с незапамятных времен. После того, как умерла Оля, и мы со Стёпкой вернулась к матери в поселок, именно Тамарка снова вытащила нас всех в город. А потом и в новый дом вместе с друзьями въехали – в один подъезд, но на разные этажи.

А вот с Лизой Синичкиной мы познакомились и подружились уже позже, в университете, где ее папа, грозный и бородатый профессор Андрон Георгиевич, преподавал философию. И я до сих пор удивляюсь тому, как легко нас притянуло друг к другу, потому что с людьми Лиза сходилась сложно. Не потому, что вредная, а скорее наоборот – потому что оказалась такой пугливой Ромашкой, что всякий раз, когда к ней обращались – смущалась и заикалась. А когда к красивой девчонке подкатывали парни, чуть ли не в обморок падала от страха.

Были мои подруги такие же разные, как соль и сахар. И если темноволосая, бойкая Тамарка всегда была невысокой и полненькой, а сейчас, в положении, и вовсе стала кругленькой пышкой с острым языком и пухлыми щечками (как и ее Костик, хоть и без положения), то Лиза оставалась хрупкой, как тростинка, высокой голубоглазой блондинкой. Натуральной и, что немаловажно, очень красивой.

Сначала ревнивая и уже успевшая выскочить замуж за Костика Тамарка косо смотрела на Лизку (когда та оказалась у меня свидетельницей на свадьбе), а потом поняла, что Синичкина сама ее боится, и оттаяла. А после и вовсе полюбила, потому что была Лиза девушкой очень доброй, чувствительной и щедрой. И в свои неполные двадцать семь все еще оставалась девственницей, что нас с подругой очень огорчало, а Синичкина только плечами пожимала.

«Ей бы хорошего парня найти, смелого и наглого, чтобы взял в охапку, в юрту утащил и сделал своей! – вздыхала Томка. – Только где сейчас нормального мужика-то найти, да еще и с приличной юртой? Эх, завянет наша Ромашка без любви, а сама на отношения так никогда и не решится!»

Так что при всей своей модельной внешности и обеспеченных родителях работала Лиза Синичкина в детском саду бухгалтером, иногда вела уроки рисования, и само собой обожала детей.

А я в свою очередь обожала своих подруг. Вот и сейчас, когда они по первому зову пришли меня морально поддержать, посмотрела на них и вздохнула:

– Девочки, не ссорьтесь! Лучше помогите не умереть от страха! Ну, как я за Вороновым в больницу пойду? Что скажу? Он знаете, какой вредный, когда злой? Вышвырнет вон и не постесняется!.. Эх, и почему я не уволилась сразу? – посетовала. – Скольких проблем удалось бы избежать!

– Ну, не знаю, – не согласилась со мной Лиза. – Может, и удалось бы. Но, Даш, неужели было бы лучше, если бы его… убили? – распахнула глаза Синичкина, и я даже вздрогнула от такого предположения.

– Типун тебе на язык! Конечно, нет!

– А если нет, Петушок, то одевайся и пошли! – решительно встала из-за стола Тамарка. – Подумаешь, заносчивый сноб. Ничего, справимся!

Глава 7

Идти в больницу за Вороновым решили все вместе, благо Лиза недавно с третьего раза сдала вождение, получила права и вот уже целую неделю самостоятельно водила подаренную ей родителями машину. Как она ее водила – вопрос второй, но опоздать к «ненаглядному шефу» я точно не боялась и черепашью езду подруги восприняла нормально. Заодно и поболтали с девчонками по дороге о разном, так что к больнице подъехали бодро.

Но уже на стоянке Синичкина сдулась и нырнула обратно за руль.

– Девочки, вы идите, я вас лучше тут подожду. Знаю я себя, только все испорчу. Я эти больницы ужас до чего не люблю!

– А кто же их любит? – фыркнула Томка, выбираясь из небольшой «Лады» – сначала ноги, потом живот, а потом уже и сама, как пробка из бутылки вылезла. Пока попу в полушубке от сидения оторвала, чуть шапку не потеряла. – Лучше скажи, что парней боишься!

– Я не боюсь, Томочка, просто не знаю этого Воронова. А вдруг он меня о чем-нибудь спросит? О прошлом, например? Что я ему скажу? Нет, девочки, не хочу вас подвести.

Здесь подруга была права. Мужчины всегда Синичкину замечали первой и при ее появлении распускали хвосты, чем вгоняли последнюю в транс. Если Воронов к ней пристанет с вопросами и вниманием – считай, пропала тайная операция. Изображать ревнивую жену я точно не смогу, а нам еще назад возвращаться.

Как поведет себя шеф с моими подругами, предположить было трудно, но то, что он умеет себя вести с женщинами (когда хочет) – знала не понаслышке. Сама видела его шашни с Пригожевой.

– Хорошо, Лиза, жди тут. Мы постараемся быстро! – кивнула девушке, подхватывая сумочку.

– Ты главное, Лизок, когда мы нашего касатика приведем и в машину посадим, – захлопнула дверь «Лады» Мелешко, – сразу же газуй с места! Чтобы не сбежал! А дома нам Костик поможет, я его уже предупредила. Не переживай, Дашка, – обратилась уже ко мне Тамарка, цепляясь за мой локоть и заговорщицки улыбаясь, – сделаем все в лучшем виде!

Но я переживала, еще как! Переглянувшись с подругой, выдохнула и пошла вперед – все равно назад дороги нет!

– Дарья Николаевна Петушок?

– Да, это я.

– Здравствуйте, Дарья! А я – Морозова Алена Ивановна, врач вашего мужа. Это со мной вы сегодня разговаривали о выписке.

Доктор, встретившая нас в коридоре отделения, оказалась совсем молоденькой и ясноглазой девушкой, в белом халате, белых сапожках на каблуках, с длинной косой и румяными щечками. Увидев, как важно она держит папку под мышкой, я удивилась, а вот она, похоже, вовсе нет – тому, что ее пациента в течении двух дней никто не навещал. Когда я оплачивала пребывание здесь Андрея Игоревича, то отвалила все деньги, что нашлись в бардачке его дорогой машины и, похоже, это закрыло много вопросов и никого не смутило.

А вот поведение пришедшего в себя пациента – очень даже, потому что Морозова сегодня дважды звонила мне и оба раза настоятельно просила поскорее забрать своего «супруга» домой.

– Здравствуйте, Алена Ивановна. К-как Андрей себя чувствует? – решилась я хоть что-то пробормотать в ответ на доброжелательную улыбку врача. – Так ничего и не вспомнил?

Нет, ну а вдруг. Всякое в жизни бывает. Вдруг уже пора драпать назад?

– К сожалению, нет. Но вы не переживайте, Дарья, я более чем уверена, что со временем ваш муж полностью восстановит утраченные в следствие падения воспоминания! – услышала оптимистичное. – Мы провели все необходимые обследования, и я готова сказать, что физически он здоров и отлично себя чувствует! Да, налицо излишняя нервозность и легкое диссоциативное расстройство, но в целом держится неплохо. Прекрасно ориентируется во времени и помнит все события, произошедшие в окружающем мире! Сохранил все навыки и знания, вот только забыл все, что касается его личности – кроме имени. Зато в последнем он уверен твердо.

– Это, наверное, ужасно? – врач пошла по коридору, и мы с Тамаркой потопали рядом.

– Напротив, это хороший признак, и у меня есть все основания полагать, что частичная амнезия, которую мы имеем возможность наблюдать, обратима! А

значит, у вашей семьи есть все шансы вернуться к нормальной жизни!

Тамарка пихнула меня в бок, и я поспешила кивнуть:

– С-спасибо.

– Именно поэтому сейчас важно как можно быстрее вернуть вашего Андрея в привычную ему психологически здоровую среду! Ну вот, а мы уже подошли к палате, – сообщила врач, странно похожая в этот зимний и снежный день за окном на Снегурочку. – Приготовьтесь, Дарья, и постарайтесь его не нервировать, договорись? Сегодня с ним крайне сложно разговаривать! Помните, что вы для него – незнакомка!

– А… э-э…

Но согласиться я не успела. И приготовиться тоже. Если честно, то я вообще изрядно затормозила на пороге, представив, что уже через секунду увижу злющего шефа, который прекрасно помнит по чьей вине здесь оказался и кто ему заехал по затылку. И Тамарка успела шагнуть в палату первой.

Расстегнув полушубок, моя подруга колобком на восьмом месяце беременности вкатилась следом за доктором и храбро выпятила грудь, собираясь если что принять удар на себя.

– Добрый вечер, Андрей, – услышала я вежливое и спокойное Алены Ивановны и, делать нечего, тоже шагнула внутрь. – А вот и ваша жена пришла – я же говорила, что она скоро приедет! Ну, наконец-то вы можете собираться и смело идти домой, как и хотели!

Воронов сидел на кровати в больничной пижаме в полоску, опершись руками в матрац по обе стороны от себя – такой же холодный и сосредоточенный, каким я его привыкла видеть, и смотрел на пожилую уборщицу, с ворчанием надраивавшую у его ног пол. Но услышав наше вторжение, нехотя повернул голову. Взглянул было хмуро…

– Какая еще жена? Прекратите! Я же вам ясно сказал, нет у меня никакой… – однако заметив Тамарку, открыл рот и онемел. Моргнул ошеломленно… – жены.

Ой, нет. Хватит с него на сегодня стрессов! Еще чего доброго снова в бессознательное и горизонтальное уйдет! Поспешив выглянуть из-за спин девушек, я натянуто улыбнулась и помахала шефу рукой:

– Э-э, п-привет, дорогой… Как это нет? А как же я?

Если можно нарисовать на лице человека облегчение, то я его увидела. Правда, задержалось оно там недолго. Внимательно посмотрев на меня, Воронов повернул голову к своему лечащему врачу и сделал вид, что потерял к нам всякий интерес.

– В первый раз вижу этих женщин. Они меня с кем-то спутали! Да здесь половина отделения в одинаковых пижамах! Это что, – догадался, – эксперимент какой-то? Если да, то он вам не удался!

– Почему вы так решили, Андрей? Что эксперимент. Я же объяснила вам, что именно произошло и как вы здесь оказались. И о последствиях падения ничего не утаила.

– И что? Это дает вам основание полагать, что теперь я обязан принимать на веру все, что вы мне тут наплетёте? Может, попробуете меня убедить в том, что я пришелец, а не земной мужчина? Раз уж у меня амнезия, и я, по-вашему, готов в это поверить.

Тамарка, ахнув, открыла рот, а я только плечами пожала, поймав на себе потрясенный взгляд подруги.

– Ничего удивительного, Мелешко, – шепнула в ответ. – Да, это мой шеф во всей красе – я же говорила, что он тот еще грубиян и гоблин!

Однако молодая врач, видимо, не так просто носила фамилию Морозова. Потому что в ответ на явную грубость своего пациента и бровью не повела. Спросила с терпением третейского судьи в голосе:

– Хорошо, ваши возражения, Андрей? Так и быть, я готова их все выслушать, прежде чем оставлю вас наедине с вашей женой Дарьей.

– Да пожалуйста! – не растерялся Воронов. Здесь его все раздражало – палата, люди, сложившиеся обстоятельства, и он даже не пытался это скрыть. Как и не пытался флиртовать или быть вежливым с симпатичной докторшей.

– Во-первых, у меня не может быть такой идиотской фамилии – Петушок. Серьезно? – громко хмыкнул. – Да я бы повесился раньше, чем потерял память, будь это правда на самом деле! Во-вторых, мне никогда не нравились рыжие девушки. Я это чувствую! А в-третьих… – Гоблин все-таки повернул голову и смерил меня с ног до головы тяжелым взглядом. – Вы посмотрите на нее. Эта особа совсем не рада меня видеть, скорее она расстроена. Я еще не разучился понимать очевидное!

Уборщица, что в этот момент натирала полы возле Воронова – низенькая пожилая женщина, подтянула к себе швабру и распрямила спину. Зыкнула на мужчину недовольно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/logvin_yanina/upal-ochnulsya-papa

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить